
Дуэль
с
кроликом.
Книга
Первая
Василий Шарлаимов
18+

Василий Шарлаимов

Дуэль с кроликом. Книга Первая

«Автор»
2025

Шарлаимов В. А.

Дуэль с кроликом. Книга Первая / В. А. Шарлаимов — «Автор», 2025

Потомственный аристократ и отменный стрелок дон Жуау вызвал Стёпу на дуэль за оскорбление его родового имени. Но белокурый богатырь соглашался биться только на средневековых двуручных мечах. Он полагал, что, пока найдут подходящие клинки, набоб перебесится и дуэль спустят на тормозах. Но не тут-то было! За дуэлью стояла схватка двух групп наследников за имущество и несметные капиталы магната. Одна клика готова была пойти на всё, чтоб не допустить дуэль, вплоть до физического устранения Степана и его секунданта Василия. Вторая шайка делала всё, чтоб поединок состоялся как можно быстрее. Во время дуэли они собирались ликвидировать магната, всех своих конкурентов и списать всё на русских мафиози, которых потом кокнули телохранители. При любом раскладе Степана и Василия ждала верная гибель. Но друзья проявили незаурядную выдержку и смекалку и выбрались из смертельной западни. В день дуэли пострадали только заговорщики, получившие не фатальные, но обидные и болезненные повреждения тела.

© Шарлаимов В. А., 2025
© Автор, 2025

Содержание

1.Воинствующий адвокат. 5
2. Фатальная седилья. 11
3. Кролик из «Плейбоя». 17
4. Боевой клич свевов. 24
5. Зуб коннетабля. 31
6. Ясновидец и полесский репейник. 37
7. Карминовые розы. 44
8. Вместо шлюпки – круг. 51
9. Инфекционные нервные заболевания. 59
Конец ознакомительного фрагмента. 65

Василий Шарлаимов
Дуэль с кроликом. Книга Первая

1.Воинствующий адвокат.

Сумеречный, неухоженный и пропитанный затхлостью лес настороженно наблюдал за бредущими сквозь его владения мрачными личностями. Едва видимая под ногами странников тропка, вела их к какой-то весьма отдаленной и ведомой только им цели. Нарядная осенняя позолота уже заметно тронула листву кустарников и деревьев. Однако дремучая чащоба от этого не выглядела ни более радушной, ни мало-мальски умиротворённой.

Вообще-то, трудно было назвать лесной пущей ступенчатые террасы тучной земли, выложенные из обтесанных и хорошо подогнанных каменных блоков. Когда-то эти полосы наносного грунта, плавно опоясывающие склоны гор, кормили тысячи виноделов, вместе с оравой их многочисленных домочадцев. Однако нашествие ненасытной и безжалостной филлоксеры напрочь истребило здешние плодоносные виноградники. И, оставшиеся не у дел виноградари, разбрелись по всему Белому Свету в поисках счастья, пропитания, благополучия и достатка. А заброшенные террасы, за долгие десятилетья запустения, поросли дубами, платанами, клёнами, ежевикой, крапивой и терновником. И только лишь изредка попадались старые, толстые виноградные лозы, цепляющиеся за ветви соседствующих с ними платанов. И устремляясь ввысь по могучим стволам и ветвям деревьев, эти лозы неприметно растворялись среди буйной листвы загустевших, раскидистых крон. А свисающие с верхних ветвей виноградные грозди удивляли своим крайне близким соседством с уже дозревающими платановыми серёжками.

Я медленно пробирался сквозь заросли кустарников, стискивая в продрогших ладонях «Винчестер» модели тысяча восемьсот семьдесят третьего года, который когда-то завоевал Дикий Запад. За мной тихо ковылял мой непутёвый товарищ Степан Андреевич Тягнибеда, прикрывающий от напастей и опасностей мой слабо защищённый тыл. Острые колючки затаившейся в высокой траве ежевики уже напрочь изодрали мои замшевые мокасины и прикупленные намедни джинсы «супер райфл». А выпавшая с утра обильная роса никоим образом не поднимала моего настроения, поскольку мои драные брюки промокли почти что до самого паха.

Я тихо проклинал в порядке иерархии чёртову дочку, чёртову маму и совсем недавно вышедшую на заслуженный отдых чёртову бабушку. Далее в этом скорбном списке моих «попечителей» следовал скромный виконт Стефан Тагенберг Полесский, который по старой дружбе и втянул меня в эту безнадёжную авантюру.

Вы с удивлением спросите: «Кто же он такой, этот загадочный заграничный виконт Тагенберг?»

Отвечу, Вам как на духу: «Это мой лучший друг и товарищ, Степан Андреевич Тягнибеда, он же самозваный украинский дворянин и былинный тернопольский богатырь. Он же в придачу и обольститель распрекраснейших дам, и неистовый записной дуэлянт. Он же вдобавок и олух Царя Небесного, а также и двухметровый изворотливый Фигаро. Он же и неподражаемый шут гороховый, и доморощенный полесский философ-мыслитель. Он же врождённый вдумчивый дипломат и истинный виртуоз филигранного блефа. И ко всему прочему, он же укротитель как заносчивых наглецов и бессовестных подлецов, так и необъезженных жеребцов, и свирепых собак. К моему глубочайшему удивлению, он ещё и оказался непревзойдённым фехтовальщиком и превосходнейшим стрелком. Ну, что я ещё позабыл прибавить к реестру достоинств и недостатков моего приятеля? Ах, да! Степан Тягнибеда – мой добрый Ангел Хра-

нитель, вытащивший меня из сотни переделок и передряг, в которые сам же меня перед тем и втянул. Какой-нибудь зануда упрекнёт меня, что тернопольская область не является полесской. Но дело в том, что Степан хоть и считался уроженцем Тернополя, но родился в маленьком полесском селенье Дубки, буквально на самой границе с Белоруссией. Может быть, когда-нибудь я и напишу о всех моих злоключениях строго в хронологическом порядке. Но только не в сегодняшний сумасшедший день, который даже мне неведомо, какими сюрпризами может к закату окончиться.

Тропинка еле прослеживалась среди буйных стеблей двудомной крапивы, и у меня в душе возникло не очень приятное, щемящее подозрение. По-видимому, в последний раз этой стезёй ходили ещё прошлой осенью, или ранней весной, причём, несомненно, только в одну сторону. Ласкающий мои ноздри едва различимый, но устойчивый трупный запашок, довольно-таки сильно меня беспокоил. Не исключалась возможность, что мы можем наткнуться на бренные останки почётного гостя Великой Охоты Ручной Кулеврины. Хозяин и устроитель ежегодной традиционной Охоты, дон Жуау Мартинш Куэлью да Пика ду Кумулу, ещё перед самым началом мероприятия как бы вскользь сообщил:

– В прошлом году два моих почётных гостя покинули Пикавальскую Охоту по-английски – не попрощавшись.

А мне решительно не хотелось пополнить их невесть куда запропавшую бесшабашную компанию. Каждый год в Португалии, с началом сезона, десятки охотников гибнут от пуль своих же сотоварищей и коллег. А сотни ротозеев и зевак получают непреднамеренные ранения, тяжёлые травмы или же существенные увечья.

Как бы подтверждая мои самые пессимистичные думы, где-то неподалеку щёлкнул зловещий сухой выстрел. Шальная пуля угрожающе просвистела в нескольких метрах над моей бедовой головой. И словно бы в ответ зову одинокой винтовки затрещали частые и беспорядочные ружейные выстрелы. Я глубоко-глубоко присел в траву, предохраняя мою драгоценную шкуру от случайно приблудившей пули или залетной картечины. Однако ядрёная крапива жгучим огнём опалила мою чувственную промежность сквозь образовавшиеся бреши изодранных брюк. Словно подраненное кенгуру, я резко выпрыгнул вверх, и благим, но не слишком цензурным матом, огласил потревоженный перестрелкой лес. До сих пор благодарю моего Ангела-хранителя за то, что никто из охотников не «снял» меня случайным выстрелом в самой высокой точке моего лягушечьего скачка. Я порывисто развернулся к Степану, чтобы если и не набить ему морду, то хотя бы высказать всё наболевшее о его скромной, но весьма бестолковой персоне.

К моему величайшему удивлению, за моей спиной не оказалось ни единой живой души! Тернопольский богатырь словно растворился во влажном и затхлом лесном воздухе. Стрельба прекратилась. Скорей всего участники Великой Пикавальской Охоты Ручной Кулеврины палили куда попало, то есть попросту наугад. Ну, чтобы не уснуть на ходу или хотя бы иметь возможность согреть ладони на тёплых стволах своих разряженных ружей. Во всяком случае, за полтора часа блуждания в лесу, на мои глаза не попадалось ни единого животного, достойного охотничьего внимания.

Нежданно я услышал слабый шелест кустов где-то сзади меня – и резко развернул ствол «Винчестера» на звук приближающейся ко мне опасности. По словам нашего гостеприимного хозяина, где-то в этой чащобе водились на редкость крупные дикие кабаны. И угодить моей розовой попочкой на их острые клыки у меня не было ни малейшего желания. Но в семи-восьми метрах от мушки винтовки, за стеблями перечной мяты, я узрел четыре пушистые головки с настороженно торчащими длинными ушками. Четыре пары чёрных бусинок-глаз с нескрываемым любопытством изучали мою довольно-таки воинственную с виду особу.

– А ну-ка, брысь отсюда, грызуны ненасытные! – зашипел я на любознательных зверьков, устрашающе размахивая бесполезной винтовкой. – Не то сейчас прибежит дядя Стёпа и мигом определит всех вас на обеденное кроличье жаркое!

Но кролики ни единым движением не отреагировали на моё достаточно жёсткое, ультимативное предупреждение. Тогда я принялся надрывно голосить, противно зыкать и зловеще подвывать, в надежде распугать так безрассудно рискующих своей шкурой зверюшек. Однако поднятая мной из наилучших побуждений суматоха лишь накликала опасность на мою же собственную задницу. Грянул леденящий душу гулкий выстрел – и что-то с тошнотворным свистом взъерошило волосы у моего виска.

Я переложил «Винчестер» в левую руку, а правой тщательно ощупал мои изрядно измятые джинсы, ориентировочно в районе паха. Там было сравнительно сухо, так что серьезно испугаться я, по всей вероятности, попросту не успел.

И тут мой чувственный спиной мозг ощутил какое-то странное, необычное и едва уловимое передвижение непосредственно рядом с моими лопатками. В резком, крутом прыжке я развернулся на сто восемьдесят градусов, вскидывая «Винчестер» и передёргивая зарядную скобу. Предо мной спокойненько стоял Степан Андреевич Тягнибеда со скрещёнными на могучей груди руками, между которыми пристроился охотничий карабин «Блазер».

– А что б тебя чёрт побрал, Стёпа!!! – вне себя от ярости взревел я. – Ты что, хочешь меня заикой на всю оставшуюся жизнь сделать?!! И как ты только умудряешься при своём двухметровом росте и ста двадцати килограммах передвигаться, словно бесплотный лесной призрак?!!

– Не кричи так громко, а то привлечешь внимание ещё какого-нибудь нервного стрелка, – хладнокровно ответствовал гигант, срывая у моего уха большой платановый лист. – Возьми этот листочек и хорошенько просуши его между страничек твоего любимого Тита Ливия.

– Зачем?!! – изумлённо вытаращил я глаза на невозмутимого приятеля.

– Если доживешь до пенсии, то будешь показывать этот «фиговый» листочек на семейных празднествах своим деткам и внукам, – с мягким спокойствием продолжал убаюкивать меня Степан. – Поведаешь им о том, как чуть было не угодил на стол голодным португальским пещерным троллям, под видом порционного супового набора.

Лицо моего земляка неожиданно посуровело, и он уже вполне серьезно добавил:

– А у этого родезийского истребителя львов и гепардов, сэра Фредерика Кортни Селуса Младшего, «Заур» ложит картечь довольно-таки кучно. Так что тебе, Василий, сегодня очень крупно повезло.

Я небрежно взглянул на протянутый мне пожелтевший листочек платана – и непроизвольно охнул. На поверхности листка красовалось девять идеальных дырочек диаметром около шести миллиметров. Кровь отхлынула от моего онемевшего лица, и в течение нескольких долгих минут я не был в состоянии даже сдвинуться с места.

– Пожалуй, отойду в кустики, чтобы слегка освежиться, – не узнавая мой собственный голос, в конце концов, просипел я. – Если в следующий раз картечь пролетит ещё ближе, то я не только обмочу моё нижнее белье, но ещё и наложу в штаны по полной программе.

– Советую тебе, дружище, спуститься вон в ту ложбинку, – порекомендовал мне вдогонку Степан. – А не то ты получишь бортовой залп картечи прямёхонько в кормовой отсек своей субмарины. Вообще-то, это признак плохого, вульгарного тона – охотится на кролика вот с такой донельзя крупной картечью. Истинный благородный охотник всегда тратит одну пулю на одного зверя. Кстати, Василий! А тебе случайно не бросилась в глаза хоть какая-нибудь заслуживающая внимания живность? С самого раннего утра бродим по этим непроходимым зарослям крапивы и ежевики, а ничего путного так ни разу и не увидели.

– Вон там, в тех зарослях мяты, не более пяти минут назад, я видел четырёх жирных кроликов, – привстав из укромной ложбинки, указал я другу перспективное направление.

Уже присаживаясь, я заметил, как гигант сорвал с плеча карабин и четыре раза подряд выстрелил с руки в указанную мной сторону.

– Если б ты только знал, Степан, как я тебе обязан за быстрое и эффективное содействие в очищении моего кишечника от отходов и шлаков, – возблагодарил я из кустов моего заботливого товарища. – Если бы не твоя канонада, то я дулся бы в этой ложбинке до самого позднего вечера. Вот только бедных зверюшек жалко. Они умерли от инфаркта или от нервного потрясения?

Когда я вернулся к моему «Винчестеру», исполин уже привязывал бечевки к задним ногам тушек кроликов. Меня до глубины души поразили маленькие аккуратные дырочки между глаз кроликов. Всего месяц назад я был убеждён, что Степану просто чудом удалось избежать смертельной стрелковой дуэли с именитым португальским охотником. По моему мнению, у моего залихватского друга не было ни малейшего шанса в схватке с многоопытным, профессиональным стрелком. И вот только теперь я явственно осознал, что это сопернику Степана немыслимо повезло, когда великан остановил свой выбор на ином виде оружия.

– Конечно, жалко несчастных кроликов, – печально вздохнул Степан. – Но раз мы остановили наш выбор на имидже родовитых, крутых парней, то нам всё же придётся придерживаться своего великосветского статуса. Назвался груздем – полезай в кузов. Два кролика ты повесишь на свой пояс, а остальных представим благородной публике как мой личный трофей.

– Стёпа! Мы ведь находимся в среде профессиональных охотников! – предостерёг я приятеля. – И нас могут запросто разоблачить на этом бессмысленном и элементарном упущении! У меня двойная добыча, а мой «Винчестер» так ни разу за сегодняшний день и не выстрелил.

– И то, правда! – согласился Степан и, выхватив из моих рук старую винтовку, дважды подряд отсалютовал в воздух.

– Идиот! – возмутился я. – В землю, в землю стрелять надо было!

Мой рот раскрылся было, чтобы выразить дополнительные веские аргументы в пользу этого вполне логичного соображения. Но тут нечто странное зашуршало в листве над моей головой и чем-то дважды тюкнуло меня по самой макушке. Меня будто пьяного повело из стороны в сторону. Сознание моё затуманилось, ноги подкосились и, неуклюже запрокинувшись на спину, я погрузился в кромешную темноту.

Однако пришло, видно, самое время поведать о том, как, супротив воли моей, я по самые уши увяз в этой весьма неприглядной истории. И тут, конечно, не обошлось без самого активного содействия моего славного приятеля, с его патологической медвежьей услужливости.

Месяц с гаком назад я и Степан, развалясь на мягких стульях уютной Колиной кухни, лениво обсуждали особенности этногенеза древних европейских гуннов. Мой оппонент вполне серьезно утверждал, что эти степные бродяги бессовестно присвоили себе имя великого дальневосточного народа, который в своё время наводил ужас на могучий цивилизованный Китай. Я же был убежден, что между хунну и гуннами всё-таки существовали определённые, хоть и отдалённые, родовые узы. Коля Маленький в полудрёме смотрел сто двадцать пятую серию захватывающего бразильского сериала, которая по остроте сюжета не очень-то и отличалась от ста двадцати четырёх предыдущих.

В дверь кто-то позвонил. И хотя звонок звучал не слишком мелодично, а до безобразия омерзительно, Николай Сергеевич Кононенко даже ухом своим не повёл.

– Если ты не смажешь горлышко своего дверного соловья рыбьим жиром, то он разбудит древний ужас Фафинской долины, который зодчие заточили в катакомбах этого бетонного сооружения, – подковырнул полусонного хозяина квартиры гигант. – Во избежание такого лиха, ты, может быть, всё-таки оторвёшь свои булочки от стула и откроешь входную дверь?

– Подождут, – хмуро проворчал Коля. – Сейчас Риккарду как раз должен объясниться в любви Розалии, и я не хотел бы пропустить этот ответственный момент.

– Он уже намеревался это сделать сорок три серии назад, но так и не отважился излить свою душу, – насмешливо подметил Степан. – И если Риккарду сделает это сейчас, то чем же он будет заниматься со своей зазнобушкой последующие девяносто три серии? А вот если ты безотлагательно не откроешь дверь, то заплатишь не только за новые замки, но и за нагло расщепленный дверной короб.

В дверь уже не просто звонили, а настойчиво колотили кулаками и, возможно, даже обутыми в тяжёлые сапоги ногами. Николай грустно вздохнул и неохотно поплёлся в сторону сотрясающейся от ударов прихожей. Спросив скорее из приличия, чем из любопытства: «И кого там черти принесли?!», Кононенко широко распахнул ходящую ходуном дверь. С того места, где я сидел, было хорошо заметно, как физиономия Николая вытянулась, побледнела, а потом и посерела. Послышались суровые мужские голоса – и сердце моё так и ёкнуло. Должно быть, вчерашняя попытка украинских гастарбайтеров спеть «Черемшину» в кафе «Караоке» не осталась без внимания муниципальной полиции. В особенности, если учесть всеобщую потасовку, последовавшую за этой попыткой премьеры народного шлягера. У меня возникло чувство глубочайшего сожаления и раскаяния, что я не откланялся двадцать минут назад, когда для этого представлялась великолепнейшая возможность.

В дверном проёме появилась рука, которая вежливо, но решительно отодвинула остолбеневшего «привратника» в сторону. И в коридор твердой походкой вошли двое достаточно зрелых и прилично одетых мужчин.

Я облегчённо вздохнул, так как в первом из шествующих узнал известного владельца адвокатской конторы доктора Жуау Мартинша Куэлью да Пика. Ну того самого, который помогал Степану оформлять документы для приезда в Португалию его будущей супруги Екатерины. Трудность дела заключалась в том, что мой друг пока ещё не состоял в законном браке с Катей, и три предыдущие её попытки воссоединиться со Степаном доселе не увенчались успехом. (Примечание. В Португалии докторами называют не только медиков, но и адвокатов с учёной докторской степенью)

Доктор юридических наук Жуау Мартинш отличался стройностью, подтянутостью, живостью и подвижностью. И ходил он так ровно, будто бы проглотил длиннющую палку, а посему казался довольно-таки высоким и атлетичным мужчиной. И это несмотря на свой чуть больший нежели средний рост, поджарость тела и узковатые плечи. А прекрасные костюмы, которые ему шили лучшие в Гимараинше портные, очень даже удачно подчеркивали это обманчивое впечатление. И хотя адвокат уже значительно поседел и полысел, но красивое, аристократичное лицо и благородный череп делали его необычайно привлекательной и притягательной личностью. К тому же мягкая, приветливая улыбка и искрящиеся карие глаза не просто располагали к доктору людей, но и вызывали у них неподдельную симпатию к этому отзывчивому человеку.

Доктор Жуау зачастую безвозмездно помогал украинским иммигрантам решать их юридические проблемы и брал с них деньги лишь в редких случаях, когда необходимо было заплатить значительные штрафы, государственные сборы, или обязательные пошлины. Вот и Степану доктор помог найти лазейку в португальском законодательстве и выбить разрешение на официальный приезд Екатерины в Португалию. Мой друг не захотел остаться в долгу перед оказавшим ему услугу человеком и выслал доктору чек на приличную сумму, в знак благодарности за потраченную тем уйму времени.

Однако моё облегчение сразу же быстро улетучилось, так как я не приметил даже признака благодушие на обычно приветливом лике доктора. А тот, подойдя к вскочившему на ноги великану, холодно взглянул на него снизу-вверх и со стальными нотками в голосе резко провозгласил:

– Сеньор Степан! До сей поры, я считал Вас благородным и порядочным человеком! Но вчера Вы нанесли мне жесточайшее оскорбление и опозорили моё древнее родовое прозвище! И это гнусное злодеяние не может остаться безнаказанным! Я возвращаю Вам этот обесс-

вивший Вас постыдным поступком чек! (И в лицо моего друга полетел скомканный в шарик листок бумаги) И вызываю Вас на честный, бескомпромиссный поединок, в котором Вы сможете кровью смыть бесчестье, опорочившее Ваше имя!

За этими словами в физиономию гиганта угодила лайковая перчатка, порывисто сорванная с руки разгневанным адвокатом.

Степан с невозмутимостью сфинкса отразил своим застывшим челом запущенные в него символические карающие снаряды. Затем он с несвойственным ему хладнокровием низко склонился, подхватил упавшую на пол светло-кремовую перчатку и пружинисто выпрямился во весь свой впечатляющий рост.

– Дон Жуау Мартинш Куэлью да Пика ду Кумулу! – с достоинством ответствовал тернопольский богатырь. – Я принимаю брошенный Вами вызов и, в принципиальном единоборстве, буду защищать мою якобы уроненную честь. А все те абсурдные обвинения, которые Вы только что нагромоздили в мой адрес, считаю вздорными, надуманными и необоснованными.

– Вот и прекрасно! – возрадовался воинствующий адвокат. – Дуэль нас рассудит! Позвольте представить Вам моего кузена и компаньона кавалейру Педру Дамиау Оливейра да Лима, который оказал мне честь быть моим секундантом. (Примечание. Кавалейру – рыцарь, всадник, португальский язык.) Ко всему прочему, он так же и дипломированный доктор юридических наук.

И доктор Жуау указал на смешного седеющего джентльмена с явно подкрашенными тушью потешными чёрными усиками.

– Я думаю, нам лучше присесть, чтобы обсудить некоторые детали предстоящего поединка, – вполне резонно предложил богатырь, величественным жестом приглашая нагрянувших визитёров к столу.

Незваные гости безмолвно пристроились на стульях у дальнего края кухонного стола, а мы же со Степаном воссели у противоположной стороны столешницы.

– Тогда разрешите и мне представить моего родственника и бессменного секунданта, Василия Шарлаимова, графа Олешкинского. – вконец огорошил меня исполин, царственно возлагая ладонь на моё трепещущее предплечье.

– Кто?! – удивлённо вздёрнул я брови. – Йаааууу…!!!

И мой вполне уместный вопрос мало-помалу перерос в варварский, нечеловеческий, неистовый рёв.

2. Фатальная седилья.

Дело было вовсе не в том, что от величайшего изумления я потерял способности к членораздельной речи. Тяжёлый ботинок гиганта под обеденным столом чуть было не раздавил мою стопу о жесткий плиточный пол кухни.

Адвокаты-дуэлянты от холодящего душу ужаса отпрянули в сторону.

– Успокойтесь, почтеннейшие! – призвал к самообладанию португальских рыцарей мой невозмутимый товарищ. – Только что Вы слышали боевой клич воинственных предков графа, с которым они шли в бой против тевтонских рыцарей и турецких янычар. В узком кругу родовитых украинских шляхтичей графа величают не иначе как Васыль Вепрь за его чрезмерную горячность, вспыльчивость и необузданный нрав. Но, в принципе, в негласных и конфиденциальных делах на графа Василия можно полностью положиться. В жестокие большевицкие времена, аристократы хранили в тайне своё высокое происхождение, чтобы избежать репрессий со стороны безжалостного КГБ. Вот потому-то, дон Жуау, я и известен здесь, в Португалии, под вымышленным именем Степана Тягнибеды. Разрешите же теперь и мне представится моим истинным родовым именем – виконт Стефан Тагенберг Полесский!

На кухне воцарилось зловещее молчание. И только слышно было, как хлопали ресницы Колиных век в такт движения маятника висевших над его головой ходиков.

Какое-то время доктор напряжённо обдумывал лавину обрушившейся на его мозг информации.

– Как бы там ни было, но дуэль уже назначена, – наконец, твёрдо заявил он. – И мне хотелось бы поскорей покончить с этим не очень приятным делом. Поединок состоится завтрашним утром на ристалище рыцарей в моём родовом поместье «Кинта да Пика». В пять часов утра у Вашего подъезда будет стоять белый «Кадиллак», который и отвезёт Вас к месту дуэли. У меня есть три пары прекрасных дуэльных пистолетов на Ваш выбор. Хотя лично я считаю, что нам лучше всего стреляться из обычных охотничьих ружей.

– Несомненно! – сардонически скривив губы, согласился Степан. – Тогда погибшего дуэлянта объявят жертвой несчастного случая на охоте – и концы в воду!

– Вы необычайно догадливы, виконт Тагенберг, – с затаённой иронией признал достоинства «украинского шляхтича» его противник. – Самый что ни на есть обыкновеннейший несчастный случай на охоте. А заслуживающие доверия и уважения очевидцы единогласно подтвердят это.

– Однако Вы не учли одного обстоятельства, дон Жуау! – жестко осадил своего соперника гигант. – Это я вызван на дуэль по вздорному, надуманному обвинению, и это я защищаю мою оскорблённую честь! А согласно кодекса чести украинского дворянства, именно персона, вызванная на дуэль, и имеет право выбора оружия. Или португальский кодекс рыцарской чести гласит нечто иное?!

– Нет, – побледнев будто мел, неохотно сообщил адвокат. – Наш кодекс рыцарской чести подразумевает то же самое.

– В таком случае, я намерен сражаться с Вами на больших двуручных рыцарских мечах! – церемониально оповестил своего визави Степан. – И без всяких ненужных защитных доспехов! Нечего тянуть канитель! Чик-чик – и готово! Так всё закончится намного быстрей к величайшему удовлетворению выжившей стороны.

По вытянувшимся лицам наших оппонентов было заметно, что заманчивая перспектива сражаться на двуручных рыцарских мечах без доспехов основательно спутала их карты.

– А официально мы объявим, что на охоте нарвались на отряд саблезубых кроликов, которые и порубили в капусту зазевавшегося ротозея, – с ехидной ухмылкой вернул Степан

должок дону Жуау. – А Ваши заслуживающие доверия и уважения очевидцы доподлинно подтвердят это.

Я почувствовал, что мне надо срочно сделать прививку от глупости в этом безумном сообществе чокнувшихся на старинных традициях личностей.

– Но где же я Вам найду за ночь два равноценных двуручных меча? – потрясённо уставился на тернопольского богатыря доктор Жуау. – Ведь ни один из бойцов не должен иметь преимущества ни в длине лезвия, ни в весе оружие.

– Вы вызвали меня на дуэль – вы и ищите соответствующее договорённости инвентарь, – равнодушно пожал плечами гигант. – Когда подберёте мечи, можете прислать своего секунданта, и он договорится с моим о месте и времени проведения поединка. Если же Вы не найдёте подходящих клинков, то я, так и быть, соглашусь биться с Вами на боевых шипованных булавах. А пока что прошу Вас покинуть квартиру нашего гостеприимного хозяина, а не то он пропустит повтор сто двадцать пятой серии своего любимого сериала.

Адвокаты недоумённо переглянулись, затем отвесили нам торопливые, короткие поклоны и молчаливо удалились восвояси.

Николай, который всё это время стоял под ходиками, как каменный истукан с острова Пасхи, слегка оттаял и хриплым голосом простонал:

– Я так и не понял, кто здесь кого разыгрывал.

– Не бери дурного в голову, Коля, – добродушно похлопал его по плечу исполин. – Я и сам ещё этого толком не понял. Дуэль – дело нешуточное.

– Погоди-ка, Стёпа! – не смог я сдержать моего бурного негодования. – Какая дуэль?! Мы ведь живём не в средневековье, а в двадцать первом веке! Ты что, не мог выставить за дверь этого зарвавшегося аристократишку?!

– Нет, не мог, – постарался остудить мою горячность рассудительный товарищ. – Этот пожилой, но рыцарственный мужчина, который годится мне в отцы, а может быть и в деды, живёт в своей старомодной реальности. И поверь, обидой для него стало бы вовсе не то, коли бы я попросту «начистил» его благородное рыло. Самое жестокое оскорбление и унижение я нанёс бы ему, если бы с насмешкой отверг его вызов на честную дуэль. Это бы разрушило лелеемый в его сознании благородный, возвышенный Мир и, в конце концов, погубило бы старого мечтателя и романтика. И я не могу поступить с ним так жестоко хотя бы потому, что он оказал мне слишком много неоценимых услуг.

– Тебе-то что?! – не унимался я, раздираемый гневом и возмущением. – Из-за своего идиотского великодушия, ты, в худшем случае, будешь почивать в уютной могиле с простреленной головой или с распоротым брюхом! И видеть сладкие загробные сны! А мне-то как?! Если дело о дуэли всплывёт на поверхность, то имя графа Василия, как непосредственного участника этого безумия, торжественно внесут в «Кадастру криминал». Тогда моя светлость станет персоной нон грата, и мне уже ни за что не продлят в январе португальскую визу! И объясни мне, на кой леший тебе сдался захудалый граф Олешкинский, когда у тебя под рукой был сиятельный князь Николай Конопушкин! Тем паче, что он является родичем последнего русского царя Николая Второго по материнской линии!

– Да нет у меня никаких конопушек! – раздражённо забрюзжал хозяин квартиры. – А если они и появляются ранней весной, то не более семи-восьми штук!

– Извини, Коля! Это не тебе было в обиду сказано! – положа руку на сердце, успокоил я друга.

– Да, это было моё непростительное упущение, – покаянно замотал головой виконт Таген-берг и, увидев мои выкатившие из орбит очи, доходчиво растолковал: – Ну что не додумался возвести тебя в ранг светлейшего или сиятельного князя. Но избрал я тебя моим соратником именно потому, что тебе куда более подходит образ моего доблестного, высокородного секунданта. Во-первых, ты выглядишь намного солиднее, презентабельнее и образованней,

чем князь Конопушкин. А во-вторых, ты не станешь ковыряться в носу во время смертельной схватки двух благороднейших рыцарей.

– А черт бы вас побрал с вашими интеллигентскими выдолбонами! – не на шутку рассерчал Николай, вытаскивая указательный палец из левой ноздри с весьма неприглядной добычей на кончике ногтя. – Сами расхлёбывайте заваренную вами топорную кашу!

И подхватив правой рукой портативный телевизор, а левой бутылку пива, он с высоко поднятой головой, направился в свою укромную опочивальню.

– Ну вот! По твоей милости, мы лишились нашего последнего союзника, – с горечью в голосе заскулил я. – А тебе не кажется, что ты сегодня основательно перегнул палку. Ты тут так кривлялся, зубоскалил и паясничал, что я даже удивляюсь, как дон Жуау не затолкал тебе в зад свою вторую лайковую перчатку.

– А тебе не кажется, что это было бы уже сверх всякой меры?! – запротестовал великан. – Две перчатки, да ещё с разных сторон медали?! Да это, почитай, уже двойной вызов на дуэль! Тогда бы я выбрал в качестве оружия не мечи, а зубочистки из африканского железного дерева.

– Прекрати ёрничать! – вырвался из моей груди крик растревоженной души. – Ты ведь буквально стоишь на краю могилы!

Степан обессилено плюхнулся на стул и, пристально рассматривая на своей ладони воображаемый череп, с трагически пафосом произнёс:

– Бедный Йорик! Если бы ты больше ёрничал, то прожил бы куда более яркую, долгую и счастливую жизнь. Но ты так и не смог подняться над нашей мрачной и суетливой мещанской действительностью.

И гигант без всякого сожаления швырнул незримый череп через плечо в направлении переполненного мусорного бака.

– Так вот что я тебе скажу, мой друг Василий! Мне совсем недавно стукнуло тридцать три годика. Да! Пусть я прожил глупую, сумбурную и бестолковую жизнь, но всё-таки весьма яркую и захватывающую. И именно благодаря нашему с тобой близкому общению, я и пришёл к лежащему на самой поверхности очевидному выводу. Если ты воспримешь свалившуюся на тебя проблему как нечто ужасающее, безысходное и катастрофическое, то и получишь в итоге классическую роковую трагедию. А если ты отнесёшься к этой напасти как к весёлому приключению, забавному водевилю или пустячному затруднению, то так оно, в конце концов, и получиться. И все проблемы, осложнения и несчастья развеются и рассосутся как бы сами собой. Мы сами выбираем, что нас ожидает в финале этой жизненной пьесы – сумеречные, заунывные похороны, сдобренные слезами, рыданьями и стенаньями, или же разгульная многолюдная свадьба, где мёд-пиво не только лишь по усам текло, но и в желудок попало!

– Так ты хочешь сказать, что разыгрывал тут шута горохового, чтобы привлечь ветреную удачу на свою сторону?! – озарило меня.

– Как бы не так! – категорично опроверг мой домысел Степан. – Это я сейчас задним умом крепок! А поначалу у меня даже в мыслях не было инсценировать здесь какую-либо ритуальную комедию! Из-за полного непонимания ситуации, я попытался поставить моего негаданного противника в невыгодное положение, запутать его, сбить с толку и выиграть этим бесценное время.

– В вопросах глобальной тактики и стратегии Уинстон Черчилль, по сравненью с тобой, – подслеповатый щенок! – по достоинству оценил я старания моего сотоварища.

– Ты помнишь, как летом мы повстречали нашего адвоката на празднестве Сау Жуау в Гимараинше? – пропустив мою шпильку, спросил гигант.

– Конечно, помню, – обиженно отклонил я голословные подозрения друга в моём старческом склерозе. – Он фланировал тогда в каком-то странном мундире, увешанном начищенными орденами и бряцающими медалями. Я полагаю, что это были его боевые награды за участие в многочисленных колониальных войнах.

– Дон Жуау служил в своё время и в Анголе, и в Мозамбике, и в Гвинее-Бисау, но не очень-то любит распространяться об этом, – отрицательно покачал подбородком Степан. – А тогда на нём был костюм элитного португальского охотничьего клуба, в который далеко не каждый толстосум в состоянии попасть. На его френче красовались жетоны и значки самых именитых охотничьих клубов и сообществ нашей планеты, почётным членом которых дон Жуау и является. Так что я был прекрасно осведомлён, что охота – это жизненная страсть нашего адвоката, которому я насолил каким-то неведомым мне образом. И было бы просто безумием тягаться в меткости стрельбы по живым мишеням с таким многоопытным снайпером как он. Вот потому-то мой выбор вида оружия для дуэли и убил сразу двух зайцев: я лишил моего противника безусловного преимущества и выиграл нужное мне время. Хотя дон Жуау на вид и крепкий мужчина, однако, как мне видится, фехтование на рыцарских мечах – далеко не его излюбленный конёк. Теперь же попробуем разобраться, из-за чего, собственно говоря, и разгорелся весь этот сыр-бор.

Степан подобрал с пола скомканную бумажку, бережно её разгладил и принялся скрупулёзно рассматривать так гневно попранный адвокатом финансовый документ. По его голубым очам я видел, как он прошёлся взглядом по чеку разочек, другой, третий… Гигант нервно тряхнул головой и с такой пристальностью сфокусировал свой взор на чеке, что просто удивительно, как бумага не воспламенилась под его лазерным взглядом.

И тут я заприметил, как его белёсые брови неестественно изогнулись и со стремительностью курьерской улитки по-пластунски уползли под короткую чёлку. Глаза богатыря начали непроизвольно расширяться и увеличились до размера утиных яиц. Внезапно он с досады так хлопнул себя по лбу, что осталось только дивиться, как его очи не вылетели из настежь растворённых глазниц.

– Какой конфуз! Какая срамота! – страдальчески простонал он, роняя фатальный чек на кухонный стол. – А мне-то всё думалось, с чего это вчера так истерически ржал весь банк Ишпириту Санту, когда я вечерком проходил мимо этого финансового учреждения!

Степан стыдливо закрыл руками глаза и бессильно обмяк на заскрипевшем под тяжестью его мощного тела стуле. Я схватил чек, пробежался по нему глазами и сразу же приметил убийственную ошибку.

– Ай-я-яй! – невольно айкнул я. – Вот это незадача! В слове «Пика» буква «Сэ» с приписанной седилью!

Весь ужас заключался в том, что в португальском языке сосуществуют две разновидности букв «Се»: одна – обычная, а вторая – с волнистым знаком в нижней части, который и называется «седильей». И если первая может передавать звук «С» или звук «К», в зависимости от сочетания с другими буквами, то вторая, независимо от положения в слове, звучит неизменно как «С». Португальское слово «Пика» пишется через букву «Се» и переводится на русский язык как пика, копье. Но если в букве «Се» дописать сидилью, то слово «Пика» произносится как «писа» и приобретает значение … Да-да! Именно того, о чём Вы сейчас подумали. Причём имеется в виду конкретно тот орган, которым гордиться сильная половина человечества.

Мои глаза заново внимательно просканировали документ, и, вдруг, я обнаружил никем незамеченную раньше улику.

– Посмотри сюда, Стёпа! Седилья, несомненно, была уже дописана позже, чуть более светлой пастой и более тонким стержнем!

Гигант мгновенно спохватился, метнулся к своей плечевой сумке, лежащей в углу кухни, и вытащил оттуда большое увеличительное стекло. Тщательный осмотр чека полностью подтвердил мои выводы.

– Вражеская диверсия! Форменное вредительство! Коварный удар в спину! – заскрежетал зубами Степан. В Сталинские времена за это бы расстреляли без суда и следствия!

В этот момент дверь в кухню приоткрылась, и появился Коля Маленький, с нескрываемым интересом вытягивая вперёд и немного вверх свою тонковатую шею. Безусловно, он подслушивал за дверью наш эмоциональный разговор, но жгучее любопытство вынудило его выдать своё скрытое присутствие. Лицо хозяина квартиры отражало смутное беспокойство, однако, взглянув на чек, он тут же заметно повеселел:

– Всё правильно! Мне говорили знающие люди, что если буква «Се» имеет аппендикс внизу, то и произносится так же как русская буква «Ка».

– Балбес! Наоборот! Надо не «знающих» неучей слушать, а учебники умные читать! – негодующе взревел великан, и неожиданно глаза его подозревающе сузились: – А это случайно не ты этот хвостик приписал?! Насколько помню, вчера утром я заполнил этот чек и отправился звонить из автомата в Украину, оставив все мои документы на письменном столе.

Коля смущённо отвёл глаза в сторону и, переминаясь с ноги на ногу, с величайшей неохотой сознался:

– Ну, я ненароком взглянул на твой чек и, увидев ошибку, надумал её исправить.

– Так что же ты мне об этом не сообщил, когда я вернулся?!! – в ярости взвился тернополец.

– Тебя долго не было, а я прилёг и соснул, – сконфуженно пролепетал подавленный своей провинностью Коля. – А когда я проснулся, то ни тебя, ни твоих бумаг уже в доме не было.

Нахмуренный гигант медленно, но неотвратимо начал надвигаться на побледневшего как заснеженные вершины Гималаев Николая.

– Прилежно изучайте правила грамматики – и это значительно облегчит и продлит вашу жизнь, – зловеще процедил сквозь зубы Степан.

– Опомнись, Стёпа! – решительно встал я между разъярённым великаном и хозяином квартиры. – Коля ведь сделал для тебя не меньше доброго и хорошего, чем твой заносчивый адвокат-аристократ!

Необходимо сказать, что Степан вместе с коллегами-мостостроевцами жил в строительном вагончике у места возведения виадуков. Двухметровый гигант мучился от жуткой бессонницы на узком и тесном прокрустовом ложе стандартного вагончика. И Николай Маленький, по доброте своей душевной, не только позволил богатырю ночевать на свободной двухместной кровати, но и отдал ему второй ключ от своей просторной квартиры.

Степан с трудом взял себя в руки и медленно попятился назад.

– Извини, Коля. Погорячился, – чуть слышно проронил он.

У Николая заметно отлегло от сердца, лицо его порозовело, и он с облегчением проговорил:

– Я никак не уразумею, чего это дон Жуау так взъерепенился из-за какой-то там «писы»? Если хорошенько разобраться, то все мы вышли оттудова. Или он до сих пор думает, что детей аристократов приносит аист? А может, их находят на огородных грядках, в белокочанной капусте?

– Детей португальских аристократов приносит розовый фламинго, – внёс я и мою лепту в разрядку напряжённости. – А особо одарённых из них находят на плантациях знаменитых мадейровских бананов.

– А знаешь, Василий! – дёрнул меня за рукав Коля. – Португальцы поступают в корне неправильно, ставя эту дурацкую закорючку внизу буквы. Её надо ставить сбоку и не вертикально, а горизонтально! Тогда это уже будет не буква, а букв! И думаю, что этот букв будет смотреться очень даже мужественно и сексуально! Не хуже, чем горячий и неутомимый мексиканский мачо!

– Да-да! Вот тогда бы уже никто не усомнился, что почтенный клиент рассчитывается не агрессивной пикой, а вполне дружелюбной писой – поддакнул я.

– Да что за ахинею вы несёте, херсонские зубоскалы! – грозно прогремел гигант. – Я тут, почитай, стою на краю погибели, а вы беспардонно надо мной насмехаетесь?!

Мы с Колей вздрогнули, и я сделал всё, чтоб не позволить вконец распалиться гиганту:

– Ну ты же сам говорил, что если отнесёшься к проблеме, как к лёгкому осложнению, потешной ситуации и забавному похождению, – то и получишь в конце happy end!

– Ладно! Обсудим всё это позже! – мгновенно взял себя в руки Степан. – Сейчас мне крайне надобна вся доступная информация о нашем вспыльчивом доне Жуане!

– Сходите к докторше Монике Дуарте! – почёсывая левую скулу, порекомендовал Коля. – Я как-то видел её под ручку вместе с вашим психованным адвокатишкой.

– А это что ещё за птичка? – потребовал разъяснений Степан.

– Не птичка, а настоящая синяя птица, – мечтательно промурлыкал я. – Доктор юридических наук! Внучка чернокожего иммигранта из Анголы! Очень красивая, обаятельная и приветливая женщина! Всего в своей жизни добилась своим трудом. Читала у нас в Фафи лекции по португальскому праву на специальных курсах для иммигрантов с Востока. Ваш «Мостростой» тогда ещё строил виадуки за Гимараиншем.

– А почему не птичка, а птица? И почему синяя? – настаивал на подробностях докучливый исполин. – Она что, любительница заложить за воротничок?

– Нет-нет! – развеял я его беспочвенные подозрения. – Птица, потому что ростом Моника где-то с меня, и тело у неё крепкое и налитое. А синяя, оттого что на лекции она ходила в элегантном тёмно-синем костюме. Не беспокойся, кожа у неё нежная, шелковистая и довольно приятного оливкового оттенка. Короче, сам увидишь. Надо поспешить, а то её конторка через полчаса закроется.

– И я с вами! – с энтузиазмом вскочил со стула Николай.

– Нет! Ты останешься в штабе! – лёгким движением руки возвратил его гигант на прежнее место. – Назначаю тебя старшим заместителем моего секунданта. Вдруг появятся с мечами наши противники, и им нужно будит удостовериться, насколько остры их клинки. И захлопни челюсти. Не стоит зазря дискредитировать искусность украинских зубных протезистов.

И мы стремительно покинули квартиру, оставив её хозяина в недоумении и с широко распахнутым от изумления ртом.

3. Кролик из «Плейбоя».

Мы застали доктора Монику как раз в тот момент, когда она, подхватив свою изящную сумочку, торопливо направилась к выходу. К величайшему несчастью, мы всё-таки опоздали и утратили возможность безотлагательно добыть такую нужную нам информацию. Моника весьма радушно, но с едва уловимым оттенком нервозности, очаровательно улыбнулась нам. Мы обменялись церемонными гигиеническими поцелуями, едва коснувшись сначала правыми, а потом левыми щёчками. Мне всегда было невдомёк: то ли таким образом португальские дамы экономят на губной помаде, то ли предохраняются от каких-то инфекционных заболеваний.

– Степан Тягнибеда, мой друг и соотечественник, – представил я моего компаньона доктору.

Гигант выступил вперёд и простодушно высказался:

– А у нас в Украине принято приветствовать друг друга куда более дружелюбным способом!

И он трижды поцеловал ошеломлённого адвоката в её пухлые пунцовые губки. Я в ужасе обомлел, отчётливо понимая, что лишился не только возможности узнать хоть что-то о докторе Жуау, но и потерял надёжного друга, безвозмездно консультирующего меня в юридических вопросах. Мне осталось только гадать, кто же из нас первым получит оплеуху: или сверх меры обнаглевший детина, или безмозглый олух, который имел неосторожность притащить его сюда.

Моника зарделась так, что румянец всплыл поверх её смуглой, оливковой кожи. Однако взрыва ярости, которого я с трепетом ожидал, к моему величайшему изумлению, так и не последовало. Какое-то время она стояла недвижно и лишь глаза её смущённым маятником косились то на меня, то на моего беспардонного товарища.

В конце концов, адвокатесса обрела дар речи и осведомилась срывающимся, дрожащим голосом:

– И какое же дело привело Вас в моё скромное агентство?

– Нам жизненно необходима полная информация о докторе Жуау Мартинш Куэлью да Пика, которого Вы, вероятно, хорошо знаете, – стыдливо отворачивая глаза, обозначил я область наших интересов.

Реакция Моники на мой запрос буквально ошеломила меня. Несмотря на неурочное время, она безропотно, я бы даже сказал, охотно вернулась в свой кабинет и гостеприимно пригласила нас присесть в комфортные полукресла. Доктор проявила необычайную выдержку и тактичность, не полюбопытствовав о причинах нашей заинтересованности в столь конфиденциальных сведениях. И у меня возникло смутное ощущение, что у неё есть свои профессиональные методы и приёмы выведать истинные цели нашего неожиданного визита. Во всяком случае, она без особых предисловий и церемоний перешла к занимающему нас делу. И хотя лицо Моники было обращено непосредственно ко мне, но её тёмно-карие очи исподволь смещались к притягательному облику белокурого великана.

– Доктор Жуау – весьма предприимчивый, влиятельный и состоятельный человек. Он хозяин крупного адвокатского агентства, филиалы которого разбросаны по всей Португалии. Говорят, что у него солидные счета в иностранных банках, но большая часть капиталов вложена в ценные бумаги и прибыльные предприятия. Он адвокат наивысшей категории и знает не только португальское законодательство, но и своды законов самых развитых европейских держав.

После окончания университета я практиковалась в его фирме и лично ему обязана моему быстрому профессиональному росту. Ушла я из-под опеки доктора Жуау чисто из этических соображений. Он – страстный, заядлый охотник, а я – непримиримый противник умерщвления

как диких, так и домашних животных. И к тому же мэтр чересчур уж кичится своим замшелым дворянским происхождением.

– А он истинный дворянин, или из тех, которые купили свою родословную за солидную сумму? – задал наводящий вопрос Степан.

– Судя по его благородному воспитанию и изысканным манерам, он подлинный дворянин, – выразила свою точку зрения Моника. – Мне приходилось бывать в его родовом поместье «Кинта да Пика», которое находится в небольшой плодородной долине у самой границы с Испанией. Когда-то, неподалёку от усадьбы находилось многолюдное, процветающее село, но сейчас там полнейшее запустение. В общем-то, его усадьба больше напоминает приватный исторический музей, чем уютное гнёздышко потомственного аристократа. В одном из залов особняка под пуленепробиваемым стеклом хранится выцветшая грамота о пожаловании дворянства дону Андре Мартиншу Куэлю да Пика ду Кумулу. Грамота заверена не только подписью и печатью короля Жуау Первого, но также и коннетабля Нуну Алвареша. Конечно, документ сильно подпорчен временем, и некоторые его места пострадали от влаги и сырости. А нижний край листа даже немного обгорел во время пожара в семнадцатом веке. Но в принципе, смысл текста вполне возможно воссоздать, несмотря на некоторые повреждённые водой и плесенью места. В том же зале под стеклом содержится и герб, пожалованный королём славному предку дона Жуау. На геральдическом щите в верхней части стилизованно изображена крепостная башня на возвышенности. Внизу нарисованы военный барабан, два скрещенных меча и кулеврина. По краям щита, на равных расстояниях друг от друга, размещены двенадцать головок кроликов.

Собственно говоря, зачем я вам всё это рассказываю. Я тайком сфотографировала эти весьма чтимые доктором реликвии.

Моника развернула к нам монитор компьютера и энергично защёлкала пальчиками по клавиатуре. Грамота меня не очень-то и впечатлила, так как там действительно трудно было что-либо разобрать. А вот герб поразил меня необычной чудаковатостью своей композиции. Во всяком случае, стилизованные кроличьи головки в профиль здесь были явно некстати и не к месту.

– Мне думается, что тушки кроликов скушали на банкете в честь присвоения рыцарского звания прародителю доктора, – глубокомысленно растирая подбородок пальцами, подметил Степан. – А отсечённые головы, чтобы не пропадать добру понапрасну, пришпандорили к щиту новоиспечённого дворянина.

– Вы даже себе не представляете, насколько оказались близки к истине, сеньор Степан! – от всей души развеселилась Моника.

Теперь не только её внимание, но и тёмно-карие очи были неотрывно прикованы к моему товарищу. И это подспудно начало меня раздражать и нервировать. Совестно признаться, но я тайно испытывал к Монике не только искреннюю симпатию, но и гораздо более яркие чувства. На курсах для иммигрантов с Востока мне удавалось создавать образ спокойного, уравновешенного, но решительного и несгибаемого в критических ситуациях мужчины. И казалось, это производило благотворное впечатление на моего эрудированного и привлекательного преподавателя. Я потому-то так часто и приходил к ней консультироваться по юридическим вопросам, чтобы способствовать развитию наших дальнейших взаимоотношений. Но тут между нами появился сумасбродный Степан и решительно всё прочь-напрочь испортил.

– И кого же мне напоминает в профиль этот двенадцатикратно клонированный кролик? – продолжал размышлять вслух тернопольский балагур.

– Героя мультсериала «Ну, погоди!» – мрачно выдавил я из себя, с подозрением поглядывая то на Монику, то на Степана.

– Нееет! – не согласился со мной весельчак. – Того милого симпатягу так и хотелось угостить сочной морковкой или свежевыращенной капусточкой. А облик этого холёного зайчища

– наглый, пошлый и бесцеремонный! И такого прожженного пройдоху даже брюссельской или цветной капустой навряд ли соблазнишь! Ему только американскую банковскую «зелень» в аккуратненьких пачечках подавай!

И тут меня озарило:

– Да это же эмблема эротического журнала «Плейбой»!

– Точно! А я-то всё думал, где же я видел эту хитрую, похотливую мордочку! – просиял Степан и с нескрываемым уважением взглянул на меня. – У тебя прекрасная память, Василий! Если, конечно, ты не являешься постоянным подписчиком этого издания для сексуально озабоченных самцов. Однако, в любом случае, ты просто молодчина!

И он по-дружески хлопнул меня по плечу. От неожиданности я слетел со стула и чуть было не нырнул головой в урну для использованных бумаг.

– Да ты что, сдурел!!! – в негодовании взревел я, выплёвывая изо рта обрезки бумаги и пытаясь встать на дрожащие и непослушные коленки. Неведомая мне сила оторвала меня от пола и, даже не позволив коснуться подошвами пола, аккуратно усадила на прежнее место.

– Ну вот и всё с моим имиджем уравновешенного, но крутого и несгибаемого джентльмена, который я так искусно создавал для Моники, – с отчаянием, переходящим в ярость, подумал я.

– Извини, дружище. Не рассчитал силы, – успокаивающе промурлыкал над ухом знакомый голос, от которого я и вовсе взбесился:

– Ну всё! Ты меня достал, Стёпа! – по-змеиному прошипел я, сжимая кулаки и, наконец-то, приобретая вертикальное положение. – Сейчас и я, совсем случайно, не рассчитаю силы!

Очевидно, Степан, всё-таки сообразил, что выставил меня перед дамой в весьма неприглядном свете и сразу же постарался сгладить неприятную ситуацию. Он согнулся, скукожился и, прикрываясь руками, на полусогнутых ногах попятился к двери кабинета.

– Василий! Только не бей меня своей левой рукой! – жалобно запричитал двухметровый верзила. – Мне же тогда как минимум три недели валяться в больничной палате! И кто же потом будет денежки зарабатывать, чтобы прокормить моих малых деточек?!

Однако этот отступной пассаж получился у него не слишком естественным и вовсе не убедительным.

– Умеешь ты, Стёпа, наживать себе врагов! – дрожа от гнева, прорычал я.

– И друзей тоже, – мягко проворковала Моника, пожирая огромными глазищами моего компаньона.

С трудом оторвав очи от сконфуженного великана, доктор плавно приблизилась ко мне, коснулась ладонью моего плеча и кротко проговорила:

– Простите его, Василий. Он ведь сделал это не специально, не предумышленно.

И хотя я был иного мнения, но мои кулаки как бы сами собой разжались. И вся моя злость растаяла в бездонных карих очах Моники, как зимняя изморозь от взошедшего в португальских предгорьях солнца.

Мы снова уселись на прежние места и некоторое время стеснительно переглядывались.

– Извиняюсь, дорогая доктор Дуарте! – нарушил первым безмолвие Степан. – Я что-то запамятовал, на чём Вы прервали Ваш интереснейший экскурс в историю?

Адвокатесса, склерозно хмурясь, надолго призадумалась, а затем вопросительно, будто моля о помощи, покосилась в мою сторону.

– На двенадцати любвеобильных кроликах из американского «Плейбоя», – освежил я память нашей гостеприимной хозяйки. – Но все они скопом и в подмётки не годятся одному нашему нахальному полесскому зайцу!

Однако и адвокатесса, и мой так называемый друг сделали вид, что не поняли мой не очень тонкий намёк.

– Ах, да! – наигранно спохватилась Моника и виновато взглянула на нас. – Кстати, о кроликах! Мне следовало бы сразу вам сказать, что пожалованный королём рыцарский герб пострадал от времени не менее, чем сама грамота.

Моника пробежалась пальчиками по клавиатуре, и пред нами предстал герб, на котором и действительно мелкие детали были либо размазаны, либо едва различимы.

– Вот я с помощью фотошопа немного и подправила старинный рисунок, – покаялась адвокат. – Так что плейбоевские кролики полностью на моей совести.

Мы снова озадаченно переглянулись, а потом дружно захохотали на всё агентство. Зависшая в воздухе напряжённость как бы сама собой разрядилась, и наше дальнейшее общение уже проистекало в атмосфере беззаботности и непринуждённости.

– Но всё-таки, каким же образом целая дюжина кроликов угодила на герб семейства Куэлью да Пика? – вернулся гигант к интересующему его вопросу.

– Об этом повествуется в семейных легендах и преданиях, которые почти тысячелетие передаются из поколения в поколение, – усевшись поудобнее в полукресле, начала свой рассказ Моника. – Если верить дону Жуау, его предки с незапамятных времён вели летопись, которая попервоначалу писалась на латинском языке. Весьма трудно сказать, насколько была достоверна эта хроника, так как оригинал сгорел во время того самого пожара, который и повредил грамоту короля Жуау Первого. Настораживает то, что летопись была восстановлена по памяти только через сорок два года после пожара. Оттого-то никто точно и не ведает, в какой мере приукрасил и что приписал к деяниям своих предков далеко не беспристрастный реставратор. Всё что описывается в семейном эпосе до получения дворянства весьма и весьма сомнительно, так как там фигурируют ведьмы, феи, колдуны и драконы. Но начиная с тринадцатого века отображённые в этом труде события начинают перекликаться с другими первоисточниками той же эпохи: летописями, хрониками и мемуарами. Правда, трактовка и воссоздание некоторых исторических событий в родовой саге Куэлью довольно-таки расходится с официальной португальской историографией.

– Дорогая Моника, – умоляюще посмотрел на рассказчицу нетерпеливый гигант. – А нельзя ли немного поконкретнее о родословной нашего доктора Жуау? И если это возможно, то более бесхитростным и доходчивым народным языком.

– Хорошо, попробую, – не очень охотно уступила пожеланию исполина смуглянка, которой явно хотелось блеснуть своей эрудицией. – В те далёкие времена в долине, где находится родовое поместье Куэлью, сохранился жалкий осколок некогда могучего Свевского королевства. Когда-то через долину проходила римская военная дорога, но оползни, обвалы и землетрясения фактически стёрли её с лица земли. Войти в долину было возможно лишь через два крайне труднодоступные перевала, где даже горстка отчаянных храбрецов могла остановить громадное войско. Достаточно было лишь сбрасывать с отвесных уступов тяжёлые камни или скатывать с крутых склонов огромные валуны. Такая природная защищенность с востока и запада позволила малочисленным свевам очень долго сохранять свою самобытность и независимость. Они несколько столетий не подчинялись ни маврам, ни кастильцам, ни португальцам. Затерянный в горах народец внешне довольно-таки отличался от жителей Иберийского полуострова. Это были высокие, голубоглазые и белокурые люди, которые предпочитали не смешиваться с окружающими их племенами. Свевы в основном занимались скотоводством, выпасая своих овец на высокогорных пастбищах, однако практиковали и виноделие. Им удалось вывести прекрасные морозостойкие сорта винограда, которые отлично вызревали в их плодородной долине. К тому же вино изготовлялось по нетрадиционной технологии и со временем приобретало кристальную прозрачность, изумительный вкус и привлекательнейший аромат. Неповторимый букет и уникальность пикавальских вин создали им заслуженную, неувядаемую славу. В более позднюю эпоху редкие и очень дорогие вина «Вале да Пика» и «Кинта да Пика» украшали пиры не только самых взыскательных аристократов, но и обеденные столы

царствующих особ. За подделку этих вин четвертовали и колесовали, однако эта суровая кара не останавливала корыстолюбивых жуликов. До сих пор на чёрном рынке пытаются продавать имитацию под пикавальские вина, хотя виноградники долины были уничтожены филлоксерой ещё в девятнадцатом веке.

Скажу по секрету, что в родовом поместье дона Жуау есть огромнейший винный погреб, где хранятся пикавальские вина двухсотлетней и более длительной выдержки. Говорят, что именно благодаря этим винам он и вхож в закрытые элитные клубы самых богатых и самых влиятельных людей Мира. Я уже и не говорю об охотничьих клубах.

– Прошу простить меня, Моника! – вмешался в винодельческий экскурс рассказчицы заинтригованный Степан. – Но насколько я знаю, даже лучшие креплёные вина, после нескольких десятилетий хранения, начинают терять свои вкусовые качества. Я уже не говорю о столовых и игристых винах!

– Да в том-то и дело, что свевы придумали способы долгосрочного хранения вин, которые даже современному виноделию неведомы! – экспансивно возразила скептику ценительница многолетних вин. – А о методике крепления вина винным спиртом они узнали задолго до основания аббатства в Ламегу, где по легенде изобрели портвейн! Но это только незначительная часть секрета виноделов древнего Пикавалье. Неповторимый вкус их вин ещё и напрямую зависел от тех сортов винограда, которые произрастали в этой долине. Именно по этой причине при усадьбе дона Жуау существует виноградник, где доктор экспериментирует с чудом уцелевшими лозами древних сортов. Мечта моего учителя – возродить забытую славу пикавальских вин. Мне посчастливилось дегустировать и старые, многолетние вина, а также молодое вино из вновь воссозданного мэтром виноградника. О-о-о! Признаюсь Вам откровенно …

– Остановитесь, Моника! – слёзно простонал гигант, заметив блаженное выражение на оливковом личике сказительницы. – Вы же не хотите, чтоб мы от Вашего повествования захлебнулись нашей же собственной слюной?! А давайте-ка лучше возвратимся к изобретательным белокурым свевам!

– Мне думается, что я, действительно, немного увлеклась, – обезоруживающе улыбнулась доктор Дуарте. – Свевы жили не только за счёт виноделия и скотоводства. Они в какой-то степени восстановили древнюю римскую дорогу, но знали об этом немногие. И этим путём пользовались контрабандисты и еврейские купцы, не желающие платить торговые пошлины ни кастильцам, ни португальцам. Понятное дело, они платили за транзит свевским вождям, но это была лишь малая толика по сравнению с грабительскими государственными сборами. Правители жителей долины вели свою родословную от свевских королей, но были людьми суровыми, рачительными и неприхотливыми. И поэтому за многие годы секретного контрабандного транзита в их чулках и кубышках скопились немалые денежные средства.

Когда же во время воцарения Ависской династии между Португалией и Кастилией разразилась братоубийственная война, свевам было глубоко начхать, что твориться по западную и восточную сторону их границ. Вопреки кровавой междоусобице, контрабандная торговля настолько возросла, что доходы от неё стали просто баснословными.

Как-то в долине появился высокий, худощавый человек в сопровождении нескольких дюжих телохранителей. По осанке и походке незнакомца можно было сразу распознать его знатное и благородное происхождение. Мужчина бесстрашно и решительно направился к дому вождя свевов, однако весьма вежливо постучал в незакрытую дверь. Когда же его пригласили в дом, он отвесил церемонный поклон и почтительно обратился к хозяину долины:

– Благороднейший Дон Мартинш! Кабальеро Игнасио Хосе Альбукерке имеет честь приветствовать Вас! Хочу предложить Вам необременительное, но очень выгодное для нас обоих дело!

Как оказалось, испанец был представителем многочисленного аристократического семейства Альбукерке. Но как один из младших сыновей, он не имел права ни на отцовский

титул, ни на наследство, и должен был завоёвывать место под Солнцем своим бранным трудом. А затяжная война давала ему прекраснейшую возможность добыть богатство, почёт, авторитет, и ратную славу. Сколотив отряд из жаждавших добычи кабальеро, идальго и бастардов, которые так же не имели право на наследство, он собирался совершить грабительский набег на ещё не разорённые португальские земли. Но основные дороги на запад бдительно охранялись войсками коннетабля Нуну Алвареша Перейры. Прослышав об удобной контрабандисткой дороге, кабальеро попросил дона Мартинша пропустить через долину его отряд, обещая ему десятую долю добычи. Немного поразмышляв, корыстолюбивый свевский правитель согласился на это заманчивое предложение.

Три года подряд кастильцы совершали дерзкие набеги на богатые португальские поселения и возвращались домой с огромной добычей. Испанцы словно бы появлялись неведомо откуда, и тут же исчезали неизвестно куда. Это сильно обеспокоило португальского короля и коннетабля, но их войскам так и не удавалось перехватить неуловимого грабителя. Однако дон Игнасио, как он теперь сам себя величал, чрезмерно обнаглел от неслыханных, головокружительных успехов, и, в конечном итоге, сам вырыл себе могилу. Вернувшись из третьего похода, он нахально потребовал от свевов, чтоб они снабдили его банду фуражом, вином и провиантом. Дон Мартинш, сославшись на неурожайный год и падёж скота, отказал беспардонному испанцу. Тогда разъярённый кабальеро ударил вождя своей стальной рыцарской перчаткой, нанеся ему ужасающее увечье. Кастильцы силой взяли всё им приглянувшееся, а сопротивляющихся свевов попросту умерщвляли. Они творили жуткие бесчинства, словно заклятые враги на завоёванной ими территории. Захватчики конфисковали всё найденное в свевских домах оружие и утащили его с собой.

– Если на следующий год, когда я возвращусь, вы не обеспечите моих воинов всем необходимым, – мы выжжем эту долину дотла! – пригрозил вожак головорезов, удаляясь восвояси с богатой двойной добычей.

По отбытию заносчивого кабальеро дон Мартинш от полученного им удара скончался. Тогда власть взял в свои руки его едва оперившийся четырнадцатилетний сын. Это был высокий, крепкий и решительный юноша, который поклялся отомстить за смерть своего отца.

Если верить легенде, то у вождя многие десятилетия не было законного наследника, хотя он и неоднократно менял своих жён. Его многочисленные супруги, любовницы и наложницы рожали ему только девочек. И дон Мартинш уже смирился с горестной мыслью, что рано или поздно вся власть перейдёт к его младшему брату. Но однажды в долину приблудила рыжеволосая, зеленоглазая женщина, которая оказалась отверженной соплеменниками баской ведьмой. Она была высокой, стройной и привлекательной, и предложила вождю заключить с ней сделку. У дона Мартинша был перстень с огромным сапфиром, который достался ему от далёких и уже призабытых предков. Мэризол, так звали ведьму, пообещала вождю взамен этого перстня исполнить его самое заветное желание. По её словам, магический сапфир, который свевы когда-то умыкнули из древнего святилища, даст ей возможность уйти в запретные смертным светлые миры. Тогда вождь ответил, что страстно желает иметь могучего сына, который сможет продлить его древний род.

– Знай же, Мартинш, что это колдун Бэлтрен, подкупленный твоим братом, наложил на тебя заклятье, – молвила Мэризол. – Неодолимая жажда власти подтолкнула его на это злодеяния. Но ни ему, ни его потомкам не суждено помыкать вольнолюбивыми свевами. Мы заключим с тобой брак, и я сама рожу тебе законного наследника. Я буду растить, воспитывать и обучать его до двенадцатилетнего возраста. По истечению этого срока ты отдашь мне камень, и я уйду из этого жестокого, варварского Мира. А потомки нашего сына будут владеть этой долиной ещё целых двенадцать столетий.

Вождь не очень-то и поверил россказням ведьмы, однако ухватился за её предложение, как утопающий за хрупкую соломинку. Мартинш быстренько дал развод своей нынешней жене

и тут же прилюдно объявил о помолвке с зеленоглазой Мэризол. Через месяц в древней церквушке их соединил браком беглый монах-доминиканец, изгнанный из Саламанки за богохульство и святотатство. В долине мессу всегда служили только священники-изгои, так как свевы не принадлежали ни к одной официальной епархии.

Мэризол понесла сразу же после свадьбы и безапелляционно утверждала, что носит в своём чреве мальчика. Младший брат Мартинша, Франсишку, трижды пытался отравить беременную ведьму, однако был уличён в посягательстве на её жизнь и изгнан из долины вместе со всем своим семейством. Колдуна Бэлтрена, на всякий случай, сбросили в глубокое ущелье, поскольку появилось серьезное подозрение, что именно он изготовлял смертоносный яд.

Маризол в точности выполнила свою часть договора: родила сына, вскормила и выходила его. Она обучила его грамоте и прочим наукам, необходимым образованному и воспитанному человеку. А когда Андре Мартиншу исполнилось ровно двенадцать годков, она надела на палец дарованный мужем перстень с сапфиром, – и в то же мгновенье бесследно исчезла. И больше её никто, никогда и нигде не видел, и не встречал.

С этого момента истории о ведьмах, колдунах, драконах и единорогах так же исчезают из рукописи, уступая место более-менее правдоподобным фактам и событиям.

– Очевидно, они вымерли от скуки, читая обстоятельный трактат, под заглавием «Хроника рода Куэлью», – с трудом давя зевоту, невнятно промямлил Степан.

– Извините, – озадаченно нахмурила свои чёрные брови Моника. – Я не разобрала Ваших слов.

– В принципе, это не так уж и важно, – встрепенулся гигант, сбрасывая нахлынувшую на него сонливость. – Продолжайте, продолжайте Ваш интереснейший рассказ! Очень занимательная и поучительная история! Так что же произошло после того, как вымерли динозавры, колдуны и ведьмы?!

4. Боевой клич свевов.

Девушка весьма недоверчиво стрельнула глазами на лыбящегося великана, однако всё же продолжила прерванное повествование:

– Мне думается, что именно Андре Мартинш, а затем и его потомки, начали вести регулярные записи в своих исторических хрониках. А все предыдущие мифические эпизоды были записаны из устных семейных былин, легенд и преданий.

И так, продолжим! Белокурый Андре уже в четырнадцать лет сравнялся ростом со своим суровым родителем, но превзошёл его в силе, ловкости и решительности. Он сплотил и воодушевил немногочисленных свевских ратников и истратил накопленные предками сокровища на покупку оружия для своих воинов. И в этом ему помогли богатые еврейские купцы, поставившие свевам самое современное на ту пору вооружение. Но еврейские торговцы и контрабандисты не только вооружали свевов, но и шпионили в их пользу на испанской территории. Они отлично понимали, что если дон Игнасио приберёт свескую долину к своим загребущим рукам, то от свободной и беспошлинной транзитной торговле останутся только воспоминания. А сведения от тайных соглядатаев с каждым днём поступали всё более тревожными и устрашающими.

Шпионы доносили, что обнаглевший авантюрист навербовал ещё четыре сотни солдат и потратил часть награбленных денег на приобретение лёгких и средних полевых пушек. Но хуже всего было то, что его войско пополнили свевские изгнанники во главе с опальным дядей юного правителя. Тем самым, который когда-то так настойчиво пытался отравить мать Андре. Так что отныне традиционная тактика обороны дороги посредством искусственных камнепадов утрачивала какой-либо смысл. Ренегаты, как местные уроженцы, отлично знали обходные горные тропы, по которым можно было зайти в тыл защищающим перевал воинам. Однако юный вождь не отчаялся и энергично принялся за возведение мощных оборонительных сооружений.

У самого восточного края долины, неподалёку от старой римской дороги, возвышалась огромная, высоченная скала с крутыми, почти что отвесными склонами. На её вершине стояла древняя полуразрушенная сторожевая башня, воздвигнутая не то римлянами, не то иберами, а вполне возможно, что и лузитанами. Высокая и просторная башня была выстроена из огромных гранитных блоков и могла вместить около сотни отборных воинов. Но главное её достоинство заключалось в том, что из башни внутрь скалы вёл извилистый ход, который, плавно расширяясь, переходил в длинную цепочку эрозионных пещер. В одной из них из скалы выбивался хрустальный родник, заполнявший водой небольшое подземное озеро. В пещерах можно было спрятать с полтысячи людей и значительные запасы фуража и провизии.

Скала со стоящей на ней башней издали напоминала наконечник копья, потому-то и назвали её Пикой. Со временем этим именем стали называть, как и саму долину, так и людное поселение свевов у её западной окраины.

Андре Мартинш сконцентрировал все усилия на реконструкции древней башни. В рекордно короткий срок были восстановлены мощные подъемные ворота, междуярусные перекрытия и внутренние помещения. На случай длительной осады в пещерные хранилища было завезено продовольствие, а также значительный запас пороха, стрел и метательных дротиков. Еврейские союзники поддержали свевов не только финансово, но и руками. Сотни добровольцев из еврейской молодёжи не только помогли отстроить башню, но и влились в ряды защитников плодородной долины. К началу весны все подготовительные работы были завершены, а ратники обучены стрельбе из огнестрельного оружия. Сам Андре Мартинш научился искусно владеть большой ручной кулевриной, которую даже поднять было по силам далеко не каждому его воину. Вдобавок ко всему, юноша оказался двуруким воином и виртуозно владел одновре-

менно двумя обоюдоострыми мечами. Никто точно не знал, научил ли Андре этому искусству его отец, или у него был прирождённый дар фехтовальщика.

– Вы хотели сказать, что Андре был димахером? – деликатно уточнил я. – Так в Древнем Риме называли воинов, сражающихся одновременно двумя мечами.

– Да-да! Именно это я и имела в виду! – согласилась со мной рассказчица, хотя было видно, что об этом она не знала. – Как только с горных вершин и склонов сошёл снег, шпионы доложили о надвигающемся войске кастильцев. Защитники долины встретили насильников нежданным обвалом валунов, чем нанесли существенный урон не ожидавшему отпора авангарду.

Однако, когда мальчики-разведчики донесли о приближении врагов сразу по трём обходным тропинкам, свевам пришлось отступать по извилистому ущелью, к входу в долину. Они время от времени устраивали засады и обстреливали захватчиков из арбалетов и кулеврин, значительно умножая потери наступающих. Но численное превосходство воинства самозваного дона Игнасио было явно неоспоримым.

Последнюю попытку задержать настырных завоевателей Андре Мартинш предпринял в горловине сужающегося ущелья, у самого входа в долину. К тому времени свевов-ренегатов в отряде надменного Альбукерке фактически не осталось. Обычно они шли впереди авангарда, указывая кастильцам окольные дороги, и первыми попадали под пули и стрелы обороняющихся. Андре надеялся, что все проводники испанцев уже погибли, а у него было достаточно воинов, чтоб отразить наступленье врагов в горловине ущелья. Однако в живых остался старый дядя Франсишку, который и повел часть кастильцев кружным путём, через изгибистое боковое ущелье. Племянник сразил дядю пулей из своей кулеврины, и не спасли предателя ни рыцарский щит, ни испанские латы. Но чёрное дело уже было сделано. Отбить яростные атаки врага сразу с двух сторон малочисленные свевы уже не имели сил и медленно отошли под защиту высокой сторожевой башни. Треть свевов и еврейские добровольцы, под начальством фидальгу Албину Оливейру да Лима, отошли в неприступные горы.

Мы со Степаном многозначительно переглянулись и исполин чуть слышно, одними губами прошептал: «Секундант».

Моника восприняла наше перемигивание, как боязнь признаться в нашем недопонимании, и углубилась в детальные разъяснения:

– Португальский дворянин Албину Оливейру да Лима был захвачен в плен доном Игнасио при последнем набеге. Его вместе с другими знатными португальцами уводили в Кастилию, чтобы впоследствии потребовать за их освобождение значительный выкуп. Но да Лима сбежал от зазевавшихся стражников в горы и долго блуждал среди скал и расселин. Полуживого от голода и от полного изнеможения, его и обнаружили среди камней свевские лазутчики. Скитальца выходили, откормили и привели к Андре Мартиншу. У Албину были свои личные счёты с доном Игнасио, так как тот собственноручно убил его безоружного младшего брата. Фидальгу в своё время сражался под началом коннетабля Алвареша и имел немалый военный опыт. Он взялся помогать вооружать и обучать воинов молодого правителя современному боевому искусству. Так или иначе, но да Лима вскоре стал правой рукой свевского вождя и его главным советником. Именно по его совету часть воинов засела в цитадели, а другая укрылась в горах, чтобы тревожить врагов постоянными наскоками.

Альбукерке попытался сходу захватить башню, но отступил, понеся значительные людские потери. Вьющаяся по склону дорога к воротам хорошо простреливалась из бойниц цитадели и многие кастильские рыцари пали от метких пуль свевских кулеврин. Самого предводителя испанцев от пули Андре Мартинша спасла лишь кираса из дамасской стали. Если бы кабальеро осмелился приблизиться к твердыне поближе, то и эти доспехи его навряд ли б спасли.

Ворота же башни располагались так удачно, что их невозможно было обстрелять из полевых пушек. Дон Игнасио попал в незавидное положение. Ему никак не улыбалось терять время, осаждая и пытаясь взять измором защитников крепости. А идти в набег, оставив в тылу хорошо вооружённого противника, было бы непростительным безрассудством. Отступится от своих планов и уйти, не солоно хлебавши, ему не позволяла гордыня испанского гранда. Поэтому он и начал готовится к решительному штурму треклятой башни, которая острой занозой саднила в его честолюбивой заднице.

Воины сооружали переносные навесы, чтоб защититься от арбалетных болтов и пуль осаждённых. Изготовлялись специальные лафеты, чтобы было возможно подтащить пушки к воротам и беспрепятственно расстрелять их в упор. В случае неудачи планировалось взорвать под воротами мощную пороховую мину и ворваться через пролом в башню. Альбукерке был находчив и изобретателен в своём стремлении навсегда изничтожить ставших на его пути храбрецов. Снедаемый жгучим нетерпением, он даже не побоялся атаковать башню в Страстную пятницу, хотя соратники и отговаривали его от такого неприкрытого святотатства.

Однако свевы его опередили. Лазутчики и соглядатаи донесли Альбину да Лима о предстоящем штурме цитадели, а он тотчас уведомил об ожидаемом приступе свевского властителя. Длинная цепочка пещер под сторожевой башней имела тайный выход в далёкой и неприметной ложбинке. И через этот секретный лаз соратники могли не только общаться, но и согласовывать свои планы. Сумрачной ночью, когда испанцы почивали перед запланированной атакой, свевы с ужасающим боевым кличем обрушились на сонный лагерь не ждущих подвоха захватчиков!

Раскрыв от изумления рот, я неотрывно внимал потрясающей повести разгорячённой до неприличия Моники Дуарте. Но внезапно она резко смолкла и растеряно уставилась своими огромными тёмно-карими глазищами на моего мускулистого компаньона. Скосив мой взор на Степана, я заметил, что он пристально вперился своими бездумными, остекленевшими глазами в таинственное и неизведанное НИКУДА. Складывалось впечатление, что он просто-напросто дремлет с открытыми настежь светло-голубыми, берилловыми очами. Во всяком случае, во время моей учёбы в сержантской школе, в окрестностях города Баку, мне такой маскирующий трюк вполне удавался. Казалось, ещё самую малость и застывший в оцепенении великан начнёт тихонько, неназойливо похрапывать.

И тут я вспомнил, как давеча на Колиной кухне гигант помог мне так ярко изобразить боевой клич древнего рода графов Олешкинских. И мне подвернулась изумительная возможность отплатить ему той же разменной монетой. И я что было мочи, от всей души саданул его под столом носком моего туфля точнёхонько в коленную чашечку.

Боевой клич виконта Тагенберга оказался куда более устрашающим, чем у древнего рода графов Олешкинских. Он взревел будто голодный пещерный тролль, у которого по-хамски вырвали изо рта сладенькую и вкусненькую человечинку.

Адвокатесса в смертельном ужасе отпрянула назад и, наверное, упала бы вместе со своим полукреслом, если бы не двойные колёсики на концах его звездообразного основания. Полукресло на огромной скорости откатилось от стола и врезалось во внушительный книжный шкаф с какими-то книгами, папками и документами. При резком торможении голова Моники откинулась назад и гулко стукнулась о приоткрытую дверцу шкафа. От сотрясения мозга доктора в этот день спасли её густые чёрные волосы, заботливо собранные на затылке в тугой, аккуратный клубочек. Однако толстое стекло дверцы шкафа в двух местах всё-таки треснуло.

Гравюра с изображением Фемиды, нависающая как раз над шкафом, угрожающе перекосилась и закачалась. Богиня правосудия как бы раздумывала, в каком виде выразить свой протест на такое форменное бесчинство и безобразие. Наконец, рамочка сорвалась с хлипкого гвоздика и улетела в узкую щель, между стенкой и корпусом книжного шкафа. И там, зво-

ном разбиваемого стекла, Фемида выказала своё недовольство таким вызывающим пренебрежением к законности и правопорядку. Римляне ведь не зря звали эту неподкупную и непредвзятую богиню Юстицией. Но после того фортеля, который выкинул тернопольский великан, ему трудно было рассчитывать не то чтобы на благосклонность Фемиды, но даже на её беспристрастность. А должность Юстиции в данный момент занимала адвокатесса Моника Дуарте.

Наступила зловещая, предгрозовая тишина. Степан пронзил меня убийственным, испепеляющим взглядом. Однако я с непосредственностью малого ребёнка изучал плафоны хрустальной люстры, покачивающейся над столом доктора Дуарте. Тогда исполин перевёл свой взгляд на шокированную Монику и с невинной заинтересованностью вежливо спросил:

– Примерно такой клич издали свевы, набросившись на полусонных кастильцев?

Девушка лишь безмолвно кивнула головою. Видимо, где-то в глубине своего мозга Степан всё же контролировал словоизлияния Моники и сумел вывернуться из весьма щекотливого положения.

Адвокатессе понадобились не менее пяти минут, чтобы собраться с мыслями и окончательно успокоиться. Придя в себя, она медленно-медленно встала и откатила полукресло обратно к письменному столу. Затем хозяйка кабинета внимательно осмотрела треснувшее стекло и заметно покосившуюся дверцу шкафа. Её взгляд скользнул вверх по створкам шкафа и остановился на глубокой выбоине в том месте стены, где совсем недавно висела гравюра. Сама же гравюра вместе с рамочкой, гвоздиком и куском штукатурки покоилась где-то за книжным шкафом. Потом взор девушки с нескрываемой опаской перекочевал на висевшую над её головой люстру. Та, хоть и слегка покачивалась, и часто подмигивала лампочками, но падать, по всей видимости, не собиралась.

– А у Вас, сеньор Степан, неординарное актёрское дарование, – наконец-то, по достоинству оценила проделку гиганта Моника. – Если Вы достоверно изобразили боевой клич свевов, то я теперь понимаю, почему они так легко одолели превосходящего их численностью противника.

– Оооо! У меня множество разнообразных талантов, способностей и дарований! – расплылся в сладостной улыбке польщённый комплиментом Степан. – И если мы, дорогая Моника, сойдёмся с Вами поближе, то Вы очень даже скоро познаете все мои положительные качества и достоинства.

– Если мой друг начнёт сейчас демонстрировать Вам все свои дарования, то капитального ремонта Вам в ближайшем будущем не избежать, – как бы вскользь прокомментировал я обещания двухметрового ловеласа. – Кстати, в артистическом арсенале моего даровитого товарища есть и его коронный номер – предсмертный вопль чёрного назгула, сражённого мечом непорочной девы. И скажу Вам со всей откровенностью, что это эпическое представление вовсе не для слабодушных и слабонервных.

Доктор Дуарте испытывающее вперилась в мои глаза, видно прикидывая, сказал ли я всё это в шутку, или совершенно серьёзно. Внезапно она выдвинула ящичек письменного стола, достала оттуда маленький ключик и предупредила, что покидает нас всего лишь на минуточку. Девушка вышла в коридор, открыла ключом боковую дверь и до неприличия торопливо скрылась за нею, на всякий случай щёлкнув изнутри задвижкой. И хотя на двери не было никаких опознавательных знаков, но по приглушенным звукам сливаемой воды, я понял назначение этого подсобного помещения.

Степан буравил меня взором своих приобретших стальной оттенок очей и одними губами беззвучно изливал в мой адрес что-то весьма и весьма нелестное. По правде говоря, мне не понравились некоторые его недвусмысленные жесты и телодвижения. Поэтому я на всякий случай отодвинулся от него подальше и делал вид, что не понимаю его безмолвной обезьяньей пантомимы.

Моника появилась в кабинете минуты через три, оставив двери в туалет и в коридор чуть-чуть приоткрытыми. Не вызывало никакого сомнения, что ей непременно хотелось, чтоб путь к вероятному поспешному отступлению всегда оставался свободным. Она села в своё полукресло, но передвинулась так, чтобы люстра больше не нависала над её головою. Затем, с несвойственной для женщины мужественностью, она напряжённо уставилась на Степана, очевидно, приготовившись к самому худшему.

– Дорогая Моника! Я абсолютно не собираюсь прямо сейчас бахвалиться моим актёрским искусством, – постарался успокоить хозяйку агентства гигант. – Мне хотелось бы всё-таки дослушать историю о том, как роду Куэлью удалось приобрести португальское дворянское достоинство. Вы прервались на том моменте, когда свевы с боевым кличем ворвались в лагерь дремлющих испанцев.

Доктору сразу полегчало и, воспрянув духом, она продолжила героическое сказание о неувядаемых деяниях старины глубокой. И смуглянка даже не пыталась утаить, что это повествование доставляет ей глубочайшее моральное удовлетворение.

– Под покровом темноты воины Андре Мартинша ударили по врагу со стороны башни, а отряд Альбину да Лима атаковал испанцев с тыла. Кастильцев охватил панический страх, – и в растревоженном лагере началась повальная резня. Но в войске Альбукерке было немало опытных рыцарей, которые и сплотились у шатра своего неустрашимого главаря. Под руководством дона Игнасио, облачённого в непробиваемые дамасские доспехи, они отчаянно отбивались от наседавших со всех сторон свевов. Но неудержимый юный правитель долины, орудуя двумя тяжёлыми рыцарскими мечами, прорвался сквозь испанские ряды и поразил их предводителя чрез смотровую щель шлема. Сопротивление врага было сломлено, и захватчики начали бросать оружие, умоляя победителей о снисхождении и милосердии. Однако воспоминания об их недавнишних зверствах и злодеяниях были ещё слишком свежи. Памятуя об этом, разъяренные свевы не давали пощады насильникам. Около полторы сотни кастильцев просочились через ряды немногочисленных свевов и рассеялись среди покрытых туманом гор. Но впоследствии все они были поголовно выслежены, выловлены и безжалостно истреблены.

Раскрасневшаяся былинщица немного отдышалась, успокоилась и уже более ровным тоном продолжила пересказ увлекательной родовой летописи:

– А в это время большой отряд португальских воинов по ту сторону гор поджидал в засаде испанских головорезов. В том самом месте предгорья, где их в последний раз видели в прошлом году. Командовал отрядом Жузе да Арка, ставленник коннетабля, жаждавший отличиться в сражении с неуловимым грабителем. Местность была полностью опустошена предыдущими набегами испанцев, и узнать о горных проходах было попросту не у кого. Да Арка изнывал от нетерпения и бездействия, поэтому и выслал на разведку несколько опытных лазутчиков. Все условленные сроки уже прошли, а разведчики назад так и не возвратились.

Неожиданно по дороге со стороны запада появилась большая кавалькада всадников, а за ними и влекомые лошадьми повозки. Как оказалось, король Жуау Первый, под охраной самого коннетабля, направлялся из Гварды в Брагансу, по пути инспектируя приграничные крепости и укрепления. И коннетабль Алвареш уговорил короля сделать небольшой крюк, чтобы узнать об успехах засадного отряда. Его величество был крайне разочарован, что хитроумный план поимки грабителей не сработал. И время, и деньги, и усилия ратников были потрачены попусту. Неизвестно во чтобы вылилось растущее раздражение короля, если б дозорные не сообщили о появлении запропавших лазутчиков.

Король и коннетабль пожелали немедля заслушать донесение разведчиков в наспех поставленном королевском шатре. В шатёр вместе с лазутчиками твердым шагом вошёл статный рыцарь в полном боевом вооружении. Кавалейру почтительно снял свой блещущий, украшенный перьями шлем и преклонил колено перед Жуау Первым и Нуну Алварешем. Коннетабль вскрикнул от изумления, так как узнал в суровом воине своего старого соратника,

Албину да Лима. Его ещё с прошлого года все друзья и сородичи считали невесть где пропавшим и бесследно сгинувшим. Радости Нуну Алвареша не было предела, ведь его верный сотоварищ по оружию будто воскрес из мёртвых.

Сначала выслушали незадачливых шпионов, которые заблудились в горах и совершенно случайно наткнулись на старую, разбитую дорогу. По торному шляху они прошли через перевал и попали в небольшую цветущую долину. Там-то они и наткнулись на многочисленный кастильский разъезд и вынуждены были сдаться окружившему их противнику. Пленников доставили на дознание в бивуак дона Игнасио Альбукерке, который как раз осаждал неприступную сторожевую башню. Но испанский гранд отложил допрос лазутчиков, ибо на утро назначил решительный штурм непокорной твердыни. Тем не менее, он авансом пригрозил шпионам ужасными пытками, если они не расскажут, кто и за каким дьяволом послал их в долину. Однако перед самым рассветом неведомые португальцам союзники атаковали беспечных испанцев и истребили их после жестокой и кровопролитной битвы. Освободители лазутчиков общались между собой на неведомом им диалекте, хотя многие из них говорили и по-португальски. В конце концов, они встретили кавалейру Албину, который и вызвался вывести невезучих разведчиков из неведомой ими местности.

Пришла очередь да Лимы поведать о своих невероятных злоключениях и похождениях. Он рассказал королю всё: и о своем пленении, и о бегстве, и о том, как был спасён от смерти ратниками обитавшего в горах свевского племени. Сообщил фидальгу и о юном правителе забытой всеми долины, нещадно отмстившего гордым кастильцам за гибель своих кровных родичей. Однако кое-что да Лима всё-таки утаил, не желая выставить свевов в не очень приглядном свете. Он ни словом не обмолвился о том, почему три года подряд, грабители проникали чрез свевскую долину в португальские земли. Не стал он распространяться и о контрабандной торговле, и о помощи еврейских доброхотов. И придерживал свой язык кавалейру вовсе не из личной корысти или какой-либо выгоды. За год совместного ратного труда он стал не только помощником и советником Андре Мартинша, но и его верным другом. Поэтому да Лима особо подчеркнул, что предводитель свевов истратил все богатства своих предков на вооружение воинов и на возведение защитных укреплений.

– И эти прекрасные доспехи, и богатое оружие, и боевой конь – безвозмездно предоставлены мне сеньором Андре Мартиншем, – гордо заявил Альбину да Лима.

Особенно короля и коннетабля впечатлила повесть о яростных стычках и о конечной победе малочисленных свевов над войском надменного Игнасио Альбукерке.

– Такие мудрые воеводы и отважные воины были бы очень полезны для охраны наших границ, – высказал свою точку зрения коннетабль и король полностью с ним согласился.

И тут да Лима сообразил, что подвернулся удобный случай поведать о главной цели своего нежданного визита:

– Свевские витязи нанесли испанцам немалый урон, но и их ряды значительно поредели. Сам правитель сразил двенадцать рыцарей из самых благородных кастильских семейств своим мечом и огнём из ручной кулеврины. Я уже не говорю о сотне менее знатных идальго и кабальеро, павших от рук разгневанных свевов. К тому же более трёх сотен испанских наёмников-пехотинцев осталось лежать между скал и камней перевалов. Около сотни испанцев было рассеянно по горам, но свевы сейчас их вылавливают и истребляют. Однако без сомнения, кастильцы попытаются отмстить за гибель своих сородичей, и нового набега, похоже, не избежать.

Я убедил Андре Мартинша, что только под защитой португальской короны он сможет отстоять землю предков и уберечь свой народ от полного уничтожения. Вождь свевов готов принести Вашему Величеству присягу на верность и признать Вас своим верховным владыкой.

– Да. Было бы неплохо заткнуть эту дыру, через которую в северные и центральные графства проникают обнаглевшие грабители, – задумчиво произнёс коннетабль и вопросительно посмотрел на Да Лиму. – И что же для этого нужно?

– Немного, – со знанием дела ответил фидальгу. – Отстроенная сторожевая башня господствует над входом в долину. Пушки, которые мы отбили у врага, уже установлены на её стенах. Они полностью простреливают единственную торную дорогу, ведущую вглубь португальской территории. Осталось только соорудить небольшой форт в боковом ущелье, чтоб враг по извилистой горной стежке не обошёл наши главные укрепления. Об этой тропинке знают лишь свевы, но лучше обезопасить себя от предательства. Теперь лишь необходимо снабдить гарнизон башни достаточным количеством пороха и ядер, и он не пропустит даже многотысячное войско. Правда, у правителя свевов осталось немного боеспособных соратников. Но мы надеемся, что вскоре излечатся и вернутся в строй израненные в предыдущих сражениях витязи. А через два-три года подрастут свевские юноши и восполнят потери дружины Андре Мартинша. Если же кастильцы оседлают Пикавальский перевал, то нам придётся в окрестных долинах построить как минимум три крепости.

Последний довод оказался решающим. Король пожелал лично посетить свевскую долину, если фидальгу Альбину да Лима гарантирует его безопасность.

5. Зуб коннетабля.

Через три дня королевский кортеж, в сопровождении мощного эскорта, достиг Пикавальской долины. Коннетабль разбил бивуак на том самом месте, который сейчас называется Ристалищем рыцарей. На этой большой поляне да Лима обучал свевских ратников стрельбе из ручных кулеврин.

Властителя свевов в долине в этот момент не было. Он охотился со своими ратоборцами в окрестных горах за остатками разбитого испанского воинства. Его Величество пожелал на ужин откушать свежатинку, и несколько бывалых охотников отправились в ближайшую пущу подстрелить какую-нибудь дичь. Король с коннетаблем сидели перед шатром и любовались могучей сторожевой башней, которая в лучах заходящего солнца казалась ещё более грозной.

Дозорные донесли, что по горному склону спускается отряд воинов и вскоре они выйдут по змеевидной тропинке к королевскому бивуаку. Взволнованный да Лима приложил свою длань к сморщенному лбу, внимательно вглядываясь в приближающихся высокорослых ратников. И, вдруг, он радостно воскликнул, оглашая растревоженный лагерь короля благою вестью:

– Да это же витязи Андре Мартинша возвращаются из похода домой!

– Да, – мрачно покачал головой коннетабль. – Немного же в его дружине осталось боеспособных ратников.

– Не менее двадцати пяти воинов находятся сейчас в сторожевой башне. – успокоил его да Лима. – Столько же охраняют поселение свевов, через которое мы проезжали утром. Около двух десятков дозорных прикрывают дорогу по ту сторону перевала, чтобы перехватить беглецов и кастильских курьеров. Ведь в Испании ещё не знают о гибели войска Игнасио Альбукерке. Кроме того, более полусотни витязей залечивают свои боевые раны.

Отряд правителя свевов прошёл через дубовую рощу и вышел на Ристалище рыцарей. Все свевские воины были высокими, стройными, светловолосыми и голубоглазыми. А впереди их величаво шествовал белокурый великан, несущий на плече огромную ручную кулеврину. Грудь его была защищена лёгкой, но довольно-таки прочной черненой кольчугой. На поясе висел длинный кинжал в золоченых ножнах и с украшенной самоцветами рукоятью. По обе стороны непокрытой головы богатыря виднелись рукояти мечей, которые, видно, покоились в походных спинных ножнах. Выглядел гигант весьма величественно и внушительно, хотя в то время Андре ещё и не достиг шестнадцатилетнего возраста.

Юноша встал на одно колено перед сидящим на походном стульчике королём и сложил у его ног свою кулеврину и блистающие в лучах солнца клинки.

– Я счастлив приветствовать Ваше Величество на земле моих славных и несгибаемых предков, – прозвучал его низкий, но уверенный бархатный голос. – Прошу Вас принять меня и мой стойкий народ под эгиду неодолимой португальской короны. Коли Вы мне окажите эту высокую честь, то клянусь служить Вам верой и правдой как в годину радости и изобилия, так и в час горести и печали. От имени моих храбрых воинов, обещаю Вам доблестно защищать границы Португальского королевства от любого вражеского посягательства. И пусть только геройская смерть избавит нас от этой присяги на верность.

Подчиняясь неведомому порыву, Жуау Первый поднялся со своего места, поцеловал юношу в лоб и поднял его на ноги.

– Я принимаю вашу присягу на Верность, – торжественно провозгласил король. – И пусть наградой за вашу преданность будет наша признательность, любовь и забота, а за клятвоотступничество – кара Господня.

Король усадил Андре Мартинша на принесённый кем-то большой военный барабан и долго расспрашивал хозяина долины о делах мирных и военных. Он удивлялся воспитанности, обходительности и благоразумию юного правителя свевов, который при надобности легко

изъяснялся на беглой латыни. Его Величество пообещал снабжать своих новых верноподданных всеми необходимыми боеприпасами и выделить деньги на строительство дополнительных оборонительных сооружений. Андре Мартинш обязывался защищать перевал от вторжения и, в случае массового нашествия врагов, оповещать об этом ближайшие португальские крепости. Ко всему прочему, король отдавал под управление вождя свевов три небольшие долины с португальской стороны, которые к тому времени уже совершенно обезлюдили. Вдобавок ко всему, Его Величество обещал впоследствии предоставить юноше графское достоинство и новые владения, если он хорошо проявит себя в неугасающей войне. Достигнутые соглашения Жуау Первый приказал тут же заверить королевской грамотой.

В это момент возвратились посланные за лесной дичью охотники и доложили, что в этих проклятых чащобах не водится никакой достойной короля живности.

– И вы даже не смогли подстрелить хотя бы какого-нибудь мелкого кролика?! – возмутился коннетабль.

Охотники только виновато развели руками.

– Плохо искали, – усмехнулся Андре Мартинш и быстро перезарядил свою тяжёлую кулеврину. Затем он зажёг от ближайшего костра фитиль и вытащил из кармана какой-то странную на вид свистульку. Потом он отправился в ближайшую от лагеря рощу, и все услышали необычную, дивную и завораживающую мелодию. Через минуту грянул выстрел. Вскоре юный стрелок неторопливо вернулся и небрежно бросил охотникам:

– Пойдите по моим следам и принесите тушки убитых кроликов.

Охотники быстро вернулись, неся в руках двенадцать увесистых, жирных кроликов. Одиннадцать они нашли бездыханными в траве, а двенадцатого обнаружили по длинному кровавому следу.

– Да Вы, Андре, как я вижу, ещё и властитель кроликов! – восторженно воскликнул король и повернулся к писцу, который как раз начинал составлять текст грамоты. – В документе наш верноподданный должен значиться, как Андре Мартинш Куэлью …

Жуау Первый задумчиво посмотрел не сторожевую башню и подытожил:

– Андре Мартинш Куэлью да Пика! Приглашаю Вас, мой юный друг, к нашему столу на ужин.

(Примечание. Португальское слово «куэлью» переводится на русский язык как «кролик»)

Пока повара готовили кроликов, Нуну Алвареш внимательно рассматривал великолепные клинки свевского предводителя.

– Мне говорили, что вы виртуозно владеете мечом и лично сразили дона Игнасио своим смертоносным клинком, – наконец, обратился к богатырю коннетабль.

– Если Вы заметили, то на моём пути ещё не попадался такой меченосец, который смог бы меня одолеть, – без лишней скромности, но со сокрытой иронией ответствовал юноша.

– А не могли бы Вы, покуда готовится ужин, показать королю своё фехтовальное мастерство? – предложил задетый за живое коннетабль и подозвал двух своих рыцарей. – Вот двое моих меченосцев, которые достаточно искусно владеют клинком, и Вы можете выбрать для поединка любого из этих двоих витязей. Нет-нет! Не подумайте, что я хочу, чтоб дело дошло до крови! Но позвольте Его Величеству насладиться Вашим незаурядным умением.

– Как Вам угодно, – спокойно отреагировал Андре Мартинш и вытащил из ножен оба свои клинка. – Я буду сражаться с ними обоими.

– Ису э кумулу да озадиа! – потрясённо вскрикнул король. – Вам не одолеть двух самых лучших фехтовальщиков нашего воинства. (Примечание. Ису э кумулу да озадиа! – Это верх дерзости!)

– Ну это мы ещё посмотрим, – сурово нахмурился богатырь и встал в позицию, зажимая рукояти своих мечей в огромных кулачищах.

Спектакль длился недолго. Через три минуты клинки соперников, выбитые мощными ударами из ушибленных рук, покоились у подошв могучего юного воина.

Король порывисто обернулся к писцу:

– Принесите-ка мне сюда грамоту! Отлично! Здесь хватит места! Теперь во всех документах наш верноподданный будет именоваться как Андре Мартинш Куэлью да Пика ду Кумулу! Кстати, мой юный друг! А как выглядит герб Ваших славных прародителей?

– Хотя мой отец и вел родословную от свевских королей, однако его родовой герб не очень-то и замысловат, – немного смутился белокурый богатырь. – На белом поле геральдического щита с красной окаемкой изображена скала со старинной сторожевой башней.

– А ну-ка, принесите сюда чистый лист пергамента! – повелел Жуау Первый перепуганному писцу. – Мы сейчас подправим герб нашего нового стража границы!

Принесли пергамент, и король вместе с коннетаблем с упоением принялись за работу. И на геральдический щит попало всё то, чем юный воевода удивил пребывающего в чудном настроении короля. Туда попал и барабан, на котором сидел Андре Мартинш, и два его подобных молнии меча, и не знающая промаха кулеврина, и даже несчастные кролики, сражённые её дробью.

Неожиданно король призадумался и поинтересовался у свевского предводителя:

– Мой юный друг! А Вы уже были посвящены в рыцари?

– Увы, нет, – опечалился юноша. – Мой благородный отец погиб раньше, чем успел сделать это. А мой дядя, который мог его заменить, вероломно предал меня и привёл завоевателей в нашу долину. Однако возмездие настигло его, и я даже не знаю, где кастильцы его схоронили.

– Тогда мы сейчас же восполним этот пробел Вашей биографии, и с этих самых пор Ваши права и бенефиции будут неоспоримы!

Церемония состоялась прямо на Ристалище рыцарей, а после неё все веселились, пели и пировали до самой глубокой ночи. Торжество было омрачено лишь малюсенькой неприятностью – коннетабль, вкушая нафаршированного дробью кролика, сломал себе коренной зуб.

А утром король и коннетабль отправились в сторожевую башню и были поражены тем грандиозным объемом работ, которые строители закончили в столь сжатые сроки. По свежеотесанным гранитным блокам было сразу заметно, что последние три яруса возведены совершенно недавно. А внутренние помещения башни содержались в идеальной чистоте и порядке, благоухая недавно обструганной древесиной и масляной краской. Захваченные у испанцев пушки уже стояли на новых лафетах и были обращены в сторону выхода из ущелья. В одной из комнат башни высокопоставленные гости увидели двенадцать рыцарских доспехов с пробитыми в области сердца кирасами.

Доктор Дуарте так вдохновенно вещала о рыцарской доблести схлынувших времён, что я всерьёз убоялся, как бы её повествование не затянулось до крика первых, всё ещё недорезанных петухов.

– Дорогая Моника! А вам не кажется, что эта история немного приукрашена переписчиком летописи, – осторожно нажал я на «тормоза». – Уж слишком часто в повествовании встречается одиозная цифра двенадцать.

Девушка нахмурилась и чересчур страстно отрезала:

– Мне посчастливилось увидеть латные доспехи этих двенадцати испанских рыцарей в одном из залов особняка доктора Жуау. Одиннадцать кирас имели большие круглые дырки в районе сердца, а на двенадцатом панцире, из воронёной дамасской стали, красовалась чашеобразная вогнутость на том же самом месте.

Степан, который, как мне казалось снова полудремал с идиотской улыбкой на порозовевших устах, содрогнулся, будто его ударило током.

– В районе сердца? – выпучил он свои бирюзовые очи.

– Приблизительно вот в этом месте, – попыталась уточнить Моника, неуверенно водя указательным пальцем в области верхней части своего весьма привлекательного тела. Её высокий и пышный бюст в какой-то мере препятствовал обозначить в точности это уязвимое место.

Однако гигант, как истинный джентльмен, сразу пришёл на помощь попавшей в затруднительное положение даме. Он вскочил на ноги и, перегнувшись через письменный стол, мягко положил ладонь на правую грудь Моники.

– Вот здесь? – с невинным простодушием поинтересовался наглец.

Лицо докторши вытянулось, глаза округлились и, не в силах что-либо вымолвить, она отрицательно мотнула головой.

– Ой! Простите! – с неподдельной стыдливостью спохватился Степан. – Я совершенно запамятовал, что сердце находится, с другой стороны.

И его ладонь перекочевала с правой груди девы на левую.

– Вот здесь? – переспросил тернопольский исполин.

– Ну всё! – злорадно подумал я, поглядывая на налитые руки Моники. – Вот теперь нахал уж точно получит заслуженную затрещину!

Но то, что произошло дальше, жестоко посрамило мою обманчивую интуицию.

– Нет, вот здесь, – едва слышно пролепетала девушка и, положив свои кисти на руку Степана, осторожно передвинула его лапищу чуточек пониже.

И они застыли в этой не слишком пристойной позиции, неотрывно вглядываясь в сияющие очи друг дружки. Складывалось впечатление, что они напрочь позабыли о моём вполне реальном присутствии. И у меня уже не было больше никакой мочи смотреть на эту любовно-эротическую композицию. Особенно если учесть, что на личике смуглянки начала расплываться блаженная улыбка, а глазки стали закатываться от нескрываемого удовольствия.

– Я просто поражаюсь вашему дикому и дремучему невежеству! – вскочил я с полукресла и выдернул клешню Степана из рук его жертвы. – Сердце у человека расположено вот здесь!

И я протянул ладонь, чтобы повторить предыдущий манёвр моего более предприимчивого и нахрапистого компаньона. Однако резкий шлепок опомнившегося великана отбросил мою руку прочь от столь желанной и соблазнительной цели.

– В принципе, это и не так уж и важно, где именно были пробиты латы испанских рыцарей, – услышал я ровный голос Степана и могучие руки мягко, но решительно усадили меня на прежнее место.

– Уверяю тебя, как летописец летописца, что даже малейшая неточность в описании прошедших событий, может полностью исказить всю научную историографию! – яростно запротестовал я, порываясь вновь вскочить на ноги.

– Да прекратите же вы сориться, мальчики, – вмешалась в наш спор уже пришедшая в себя Моника, разводя петушков по разным углам. То есть по противостоящим креслам.

В этот момент тревожно зазвонил настольный телефон и хозяйка кабинета, взглянув поочерёдно на каждого из нас, провела двумя сомкнутыми у ногтей пальцами вдоль своих пухлых губок. Этот выразительный португальский жест, напоминающий застёгивание молнии, соответствует нашему приложенному к губам пальцу и призывает к безусловному безмолвию.

Затем адвокат сняла трубку, внимательно вслушалась в звучащее из неё кваканье и кому-то довольно озабоченно ответствовала:

– Нет-нет, Педру. Сегодня я задержусь. Мне необходимо экстренно проработать новые документы, которые появились в деле сеньора Арманду Гонсалеса. С уликами возникли непредвиденные осложнения, и я ещё не подготовилась к послезавтрашнему процессу. Нет. Справлюсь сама. Я переночую в Фафи. Завтра созвонимся. Целую. Ну что ты ещё хочешь?!

Насколько я был осведомлён, у Моники был намораду, или, как теперь принято говорить по-новорусски, бой-френд. А если уж изъясняться по-старорусски, то Педру Лопеш числился наречённым суженым доктора Дуарте. Это был невзрачный, худосочный и нескладный

очкарик, обросший для солидности курчавой бородёнкой. Может быть, у него и было семь пядей во лбу, однако вот ростом и статью он явно не вышел. Докторша заметно возвышалась над своим неказистым воздыхателем и значительно превосходила его в крепости телосложения. Поэтому нет ничего удивительного, что Моника не очень-то и любила показываться с ним на людях. Будущие юристы сошлись ещё в университете, но не спешили скреплять законным браком свои и без того достаточно-таки близкие взаимоотношения. Собственно говоря, жгучая, фигуристая красавица давно могла выскочить замуж за своего однокашника, но всё ещё надеялась повстречать настоящего принца. Но так как атлетичные принцы на здешних дорогах пачками не валялись и упорно объезжали провинциальный Фафи, то субтильный, но надёжный Педру пока что стоял на запасном пути. Тем паче, что доктор Лопеш умел блестяще выигрывать затяжные судебные процессы. Хотя вполне возможно, что ему, по величайшему счастью, с завидным постоянством попадались беспроигрышные дела. Как бы там ни было, но он постепенно обрастал зажиточной клиентурой и слыл самым толковым специалистом в запутанных бракоразводных делах. Будущий муж Моники снимал шикарную квартиру в Гимараинше, где жених и невеста фактически жили супружеской жизнью. Однако раз-два, а то и три в неделю она ночевала в своей маленькой, но уютной квартирке в Фафи. Этого требовала бурная и интенсивная профессиональная деятельность адвокатессы, которой она посвящала почти всё своё время. По собственным же словам быстро прогрессирующей юристки, на личную жизнь у неё попросту времени не хватало.

Невзирая на то, что Моника старалась как можно быстрее отделаться от истосковавшегося по ней жениха, Педру настаивал на своём визите в Фафи, обещая ей посильную помощь в подготовке к судебному процессу. Однако непреклонная адвокатесса заявила кандидату в супруги, что она уже большая девочка и в состоянии самостоятельно разобраться в возникшей непредвиденной ситуации в этом деле. У неё сейчас есть два весьма неплохих варианта разрешения появившейся проблемы, и она должна хорошенько обдумать, которому из них отдать предпочтение. А назойливая помощь Педру, не знающего всех перипетий и тонкостей и без того затянувшегося процесса, может лишь навредить делу.

Когда доктор Дуарте, наконец-то, положила трубку, она с наивностью ребёнка уставилась на Степана и на её личике отобразилась мечтательная, сладостная улыбка.

– Так на чём же мы с Вами остановились? – мягко проворковала она.

– На больших дырках, – утробно прорычал я.

Лицо Моники потемнело, глаза подозрительно сузились и в них засверкали беспощадные грозовые молнии:

– Какие ещё дырки?! – вызывающе вопросила она, будто я брякнул что-то весьма и весьма неприличное.

– Дырки от пуль кулеврины в кирасах испанских рыцарей, – с холодной учтивостью разъяснил я.

Обострившиеся черты девушки тут же разгладились, и она поняла, что непомерно остро отреагировала на мою незамысловатую реплику.

– Прошу простить меня за мою резкость, – смущённо пролопотала смуглянка. – Когда я Вас спрашивала, то думала в это время о чём-то своём.

– Когда я Вам отвечал, то тоже как раз о ней и подумал, – не стал скрывать я мои затаённые мысли.

Моника уничтожающе зыркнула на меня, но, видно, решила не осложнять положение и продолжила свою повесть об отважном и мудром кролике Куэлью:

– Не буду больше вдаваться в подробности королевского визита в Пикавальскую долину. Новые стражи португальской границы получили средства на достройку дополнительных оборонительных сооружений и всё необходимое для их защиты. Чтоб освоить и заселить дарованные королём земли, Андре Мартинш принимал не только переселенцев из Португалии, но

также и изгнанников из Испании. Через два года число его воинов возросло настолько, что он без особого труда отразил карательную экспедицию родичей Альбукерке ещё на дальних подступах к долине. Ещё через три года кастильцы снова попытались прорваться через перевал, но с огромным уроном были отброшены на восток и вынуждены были отказаться от планов отмщения. А в тысяча четыреста одиннадцатом году между Испанией и Португалией был заключен мир и топор братоубийственной войны зарыли окончательно.

– Слава тебе, Господи! – возрадовался исполин, надеясь, что повесть адвокатессы окончательно завершилась, но увидев нахмуренное личико Моники, сразу же пошёл на попятную: – Нет-нет! Я чувствую, что Вам есть ещё что рассказать об отважном пращуре нашего доктора! Что же ещё такого Андре Мартинш умудрился натворить во славу своего милостивого короля?!

Девушка с наивной готовностью заглотила немудреную приманку совратителя:

– После завершения войны Жуау Добропамятный, не смотря на своё прозвище, позабыл о всех своих обещаниях. И Андре Мартинш не только не получил обещанного ему графского достоинства, но даже титула виконта. Король считал его человеком коннетабля, к славе которого Его Величество питал подспудную ревность. Однако Андре Куэлью не очень-то и расстраивался. Он исправно платил налоги, получал положенные вознаграждения за воинскую службу и неустанно заботился о процветании своих владений. С установлением мира товарообмен между Испанией и Португалии пошёл по более удобным дорогам и перевалам, так что о старой римской дороге через Пикавальскую долину вскоре вновь позабыли. Зато о ней хорошо помнили контрабандисты, и побочные доходы Андре Мартинша заметно возросли. Центральные власти практически не вмешивались в дела новоиспеченного португальского дворянина из-за крайней труднодоступности приграничных долин.

В семейной летописи рода Куэлью также упоминается об участии Андре Куэлью в африканском походе на Сеуту в тысяча четыреста пятнадцатом году. Правда, хроника не уточняет, был ли он призван в эту экспедицию королём, или участвовал в ней по своей доброй воле. И у стен Сеуты предводитель свевов, бывший тогда уже зрелым воином, спас жизнь юному португальскому инфанту, которого благодарные потомки впоследствии назвали Энрике Мореплавателем. Во время осады крепости с тыла на португальских воинов налетел большой отряд мавританских конников. Удар вражеских всадников был направлен как раз в то самое место, где находился инфант Энрике. И ещё неизвестно, чем бы закончилась эта лихая кавалерийская атака, если бы Андре, выстрелив картечью из кулеврины, не сразил сразу же…

Но мой зычный голос так и не позволил рассказчице закончить хвалебный панегирик в честь непобедимого воина.

6. Ясновидец и полесский репейник.

– Остановитесь, дорогая Моника! – предупреждающе поднял я руку. – Позвольте мне угадать с трёх раз, сколько врагов скосила картечь храброго свевского рыцаря! И так – первая попытка! Мне думается, что беспощадная кулеврина Андре поразила сразу двенадцать знатных берберских наездников!

Доктор Дуарте потрясённо вытаращилась на меня:

– Жезус!!! И как Вам только удалось с такой точностью разгадать эту историческую загадку?!

– Не только у моего высокорослого друга есть таланты и достоинства! – сияя от гордости, заявил я. – И у меня имеются некоторые врождённые экстрасенсорные способности! Кстати, Моника! А как сложилась личная жизнь у белокурого свевского богатыря?

– Я сказала бы, что очень даже удачно! – с откровенным удовольствием просветила меня смуглянка. – Андре сочетался браком с дочерью Альбину да Лима, Аделиной, которая оказалась на удивление плодовитой женщиной. Она нарожала любимому мужу целую кучу здоровеньких, весёленьких и шустреньких ребятишек.… Ой! Сеньор Василий! Что с Вами?! Очнитесь! Вам плохо?!

Я неподвижно сидел в моём кресле с окаменевшим лицом и остекленевшим взором смотрел сквозь Монику в бездонную Бесконечность. Ничто обыденное и прозаическое в этот миг меня попросту не волновало, так как мой разум витал где-то далеко-далеко за пределами материальной реальности.

– Степан!!! Сделайте хоть что-нибудь!!! – в панической истерике взвизгнула адвокатесса. – Вы разве не видите, что Василий отходит!!!

Гигант действовал на удивление быстро и решительно. С резвостью мангусты он метнулся в угол кабинета, где на высокой подставке стояла хрустальная ваза с красными хризантемами. Цветы полетели на пол, а Степан молниеносно набрал из вазы в рот воды, да так что щёки его раздулись до полного неприличия. И прежде чем я успел среагировать на всплеск его активности, он проворно подскочил ко мне и выпрыснул всю эту жидкость прямо в мою физиономию. Никогда не думал, что ротовая полость человека способна вместить такой громадный объём воды. Мне почудилось, что в мой «фасад» с размаху выплеснули двадцатилитровое ведро разжиженной слюны.

– Да ты что, сдурел, слякотный лиходей! – отплёвываясь и отфыркиваясь, по-русски проквакал я. – Ты почто, душегубец, великого боярина замочил?! То есть, я хотел сказать, светлейшего графа Олешкинского!

Я вытащил из кармана носовой платок и принялся усердно промокать моё личико, шею и залитую затхлою жидкостью грудь.

– Я тебя замочил?! – возроптал великан, обиженный моей чёрствой чёрной неблагодарностью. – Да я же как раз наоборот – воскресил тебя из мёртвых! Причём по настойчивой просьбе нашей гостеприимной хозяйки!

А поскольку «реаниматор-водонос» возмущался по-португальски, то смуглянка тут же вступилась за услужливого Водолея, а, если быть точнее, за услужливого медведя:

– Василий! И действительно, на Вашем лице было такое ужасающее выражение, будто Вы отошли в Мир иной!

– Я Вас вовсе не осуждаю, Моника, – успокоил я девушку, выкручивая мой носовой платок. – Вы ещё недостаточно хорошо знакомы с моими индивидуальными особенностями. Но он-то отлично осведомлён, что значит подобное глубокомысленое и высокоинтеллектуальное выражение на моём лике! А это обозначает, что я, пронзив пространство и время, заглядываю или в Прошлое, или же в Будущее!

– Да разве удержишь в голове все твои сверхъестественные таланты и способности, – мрачно повинился пристыженный богатырь. Однако тон, которым было высказано это публичное покаяние, мне не очень-то и пришелся по вкусу. Очевидно, и адвокатесса уловила скрытую иронию в словах лукавого исполина. Её глаза превратились в щёлочки, и она с неприкрытым недоверием поинтересовалась у меня:

– И что же Вы, Василий, так пристально высматривали в Будущем?

– Вообще-то, я заглядывал в Прошлое, во времена Андре Мартинша, – стараясь не терять хладнокровия, выложил я итоги моих ментальных изысканий. – И мне удалось выяснить, что у свевского властителя было двенадцать отпрысков-погодок, причём все поголовно мужского пола.

На этот раз я попал в самую точку. И изумлению потрясённой Моники не было ни границы, ни предела.

– Теперь я уверена, сеньор Василий, что Вы действительно обладаете уникальными, феноменальными возможностями! – пламенем нескрываемого восторга вспыхнули очи смуглянки. – Конечно, Вы могли додуматься, что у Андре было двенадцать детей! Но то что все они являлись мальчиками-погодками мог знать только читавший «Хронику рода Куэлью»! А Вы этого никак не могли, так как летопись существует в единственном экземпляре и хранится в бронированном, несгораемом сейфе в поместье мэтра Жуау!

Адвокатесса вскочила с кресла, вытащила из ящика письменного стола салфетки и, подбежав ко мне, принялась заботливо промокать моё истерзанное бурными водами тело. От ласкового касания её рук, волна безудержной эйфории захлестнула всё моё чувственное мужское естество. И я был на седьмом небе от невыразимого счастья, ощущая холящие и голубящие прикосновение волоокой красавицы.

– Ну об этом и без всякой летописи или хроники не трудно было бы догадаться, – прогундосил знакомый, насмешливы голос, добавляя в чашу моего упоения как минимум три ложки зловонного дёгтя. – О плодовитости Андре и Аделины, а также их многочисленных потомков, наглядно свидетельствует широчайшее распространение фамилии Куэлью в Португалии и Бразилии. В процентном отношении Куэлью там столько же, как в России Зайцевых, а в Украине Зайченко. Да возьмите хотя бы португальскую Ассамблею и правительство. Да там же каждый десятый – Кролик!

– Быть может, в некоторой степени Вы и правы, дорогой сеньор Степан, – снова переключила внимание на гиганта моя заботливая хлопотунья. – Хотя в роду Куэлью и применялось право майората, но не всегда земельные владения наследовал старший сын. Как Андре, так и его потомки давали своим детям прекрасное по тем временам образование. Обычно их сыновья учились в Куимбрском университете и становились священниками, юристами или медиками. Когда юноши достигали совершеннолетия и завершали образование, родители выделяли им солидные денежные средства на обустройство их самостоятельной жизни. А эти финансовые субсидии по тем временам считались весьма и весьма щедрыми. И посему зачастую старшие сыновья отказывались от наследственных прав и, получив субсидию, оседали в оживлённых крупных городах, где жизнь была куда интересней, чем в захолустной приграничной долине. Да и нередко главные наследники гибли в многочисленных войнах и далёких заморских походах. В те времена чаще всего Пикавальские владения наследовал второй или третий сын. А когда началась эпоха Великих географических открытий, то многочисленные потомки Андре разъехались по всем континентам нашей планеты. С теми деньгами, что им выдавали родители, они отлично обживались и процветали и в Бразилии, и в Африке, и в Индии, и в Индонезии, и в Китае, и даже в Японии. А в более поздние времена младшие Куэлью зачастую обосновывались в Южной Африке, Соединенных Штатах, Канаде, Австралии и Новой Зеландии. Последние же поколения предпочитали более развитые страны Европы. Девушки нечасто рождались в роде Андре Мартинша. Однако, взрослея, они довольно удачно выходили замуж, получая очень

даже богатое денежное приданое. Подозреваю, что Андре истратил на оборону от кастильцев лишь малую толику тех несметных сокровищ, которые накопили его предки. Меня нисколько не удивит, если в Пикавальских горах где-то существует хранилище драгоценностей, наподобие тайной пещеры свевского Аладдина.

– А доктор Жуау поддерживает отношение с другими отпрысками древа Куэлью? – задал Степан наводящий вопрос. Хотя, как мне лично почудилось, в данный момент он размышлял вовсе об ином.

И куда только подевалась сонливость и заторможенность моего компаньона? Утвердительно кивая головой, он заглядывал в рот Монике так внимательно, будто в мыслях разбирал каждое её слово по слогам, а заодно и пересчитывал её белоснежные зубки. Гигант с такой непритворной заинтересованностью вслушивался в повествования рассказчицы, словно ему сейчас выбалтывали местоположение и пароли к золотоносной пещере сорока свевских разбойников.

– Каждый год, в августе месяце, метр устраивает в своём поместье нечто вроде съезда потомков Андре Мартинша, – продолжала вещать не подозревающая подвоха адвокатесса. – Мне посчастливилось в прошлом году присутствовать на одном из таких сборищ. Каких только Кроликов я там не увидела! Это были и белокурые альбиносы из северных просторов, и личности, напоминающие суровых индейских вождей, и желтокожие Кролики с характерными раскосыми глазами. Были так же и рослые африканцы, рядом с которыми я могла бы Вам показаться истинной Снежной королевой. Но все они считали себя доподлинными потомками Андре Мартинша Куэлью да Пика ду Кумулу.

И тут я не только понял, но и физически ощутил, почему Степан так заворожено внимал Монике. Он с затаённой ревностью старался отвлечь её внимание от меня к своей не заслуживающей доверья порядочной девы персоне. И, похоже, что эта проделка матёрого обольстителя ему уже почти что полностью удалась. Позабыв о своём верном почитателе, то бишь обо мне, волоокая смуглянка целиком сосредоточилась на гипнотизирующем её своим колдовским взором белокуром исполине. И чтобы остаться «в кадре», мне нужно было что-то экстренно предпринять.

– Ай-ай-ай!!! – болезненно вскрикнул я.

– Ой! Что сучилось?! – будто очнувшись от наваждения, поинтересовалась моя оплошавшая заботница. Всё это время она мягко протирала салфеткой мою шею и грудь, однако делала это теперь чисто автоматически.

– Кажется, у меня на том месте, где Вы сейчас вытираете, то ли ссадина, то ли царапина, – морщась от боли, простонал я.

Девушка тщательно осмотрела мою шею и недоумённо пожала плечами:

– Нет-нет, здесь никаких ранок или кровоподтёков не заметно. Ну разве что какое-то покраснение, похожее на раздражение кожи.

– Конечно, – нервно подумал я. – Если всё время тереть в одном и том же самом месте, то и салфеткой можно дыромаху невзначай протереть.

– Какая жалость, что я не знаю, как по-португальски «чесотка», – услышал я голос моего статного доброжелателя.

Так как сказано это было по-русски, то Моника вопросительно взглянула на великана, а затем на меня. Я нежно улыбнулся ей и ласково промурлыкал:

– Он сказал, что ваши чувственные ручки, несомненно, обладают удивительными исцеляющими свойствами. И если Вы и дальше будете заботиться обо мне в том же духе, то запросто излечите все мои травмы, недомогания и расстройства.

Адвокатесса не смогла скрыть удовольствие, озарившее её личико, и, немного замешкавшись, деловито оповестила:

– Ваше лицо и шея, Василий, уже полностью высохли, а вот рубашка спереди промокла насквозь, почти что до нитки. Давайте, сходим в туалетную комнату и высушим её моим феном.

Смуглянка встала, взяла меня под руку и заботливо повела в коридор, к той самой двери, которую она предусмотрительно оставила приоткрытой.

– Я с вами! – резко возгласил Степан, вскакивая на ноги. – Вам, несомненно, может понадобиться моя неотложная помощь.

– Твоя помощь понадобиться непосредственно здесь, – указал я кивком в угол кабинета на останки некогда пышного букета хризантем. – Маленькая уборочка тут и действительно не помешает. Тем более, что этот бедлам и кавардак в кабинете нашей радушной хозяйки устроил именно ты, мой суматошливый друг.

– Ах, какой ужас! – ахнула Моника, будто только сейчас заприметила кучу мусора и перевёрнутую вазу. – Эти прекрасные хризантемы мой намораду Педру презентовал мне на день рождения!

От падения букета лепестки и листья цветов осыпались, щедро устлав пол кабинета зелёно-красным пятнистым ковром. К тому же лужа пролитой из вазы воды превратила помещение в довольно труднопроходимую местность. Судя по затхлому запаху жидкости и присохшим листьям, букет был явно далеко не первой свежести. У меня возникло логическое допущение, что день рождения у Моники Дуарте был ещё в позапрошлом месяце. Однако доктор, схватившись за щёчки ладошками и опечаленно охая, с наигранным огорчением покачивала головой.

– Сейчас всё исправим! – с готовностью комсомольца первых ударных пятилеток пророкотал великан, предвкушая воистину богатырскую работу. – Где тут у Вас веник, швабра и ведро?!

– На нижнем этаже в подсобке под лестницей, – проинформировала смуглянка Геркулеса, который вознамерился вычистить Авгиевы конюшни. Степан тут же сорвался с места и бросился через коридор к лестнице.

– Можешь особо не торопиться! – крикнул я быстроногому Ахиллесу вдогонку. – На сушку моей промокшей рубашки нам понадобится как минимум четверть часа!

А Моника завела меня в туалетную комнату, достала из тумбочки бошевский фен и уверенным движением воткнула штепсель в розетку. Однако только она клацнула выключателем, как в фене что-то с противным треском заискрило. А в коридоре раздался резкий щелчок – и туалет погрузился в кромешную темноту. Адвокатесса в непритворном испуге ойкнула и как-то непроизвольно прижалась ко мне. И я с восторгом почувствовал округлость её налитой груди и страстную дрожь упругого, разгорячённого тела. Мои ладони сами собой заскользили по изгибам её ладных, крутых бедер, и я ощутил, как мягкие руки смуглянки нежно легли на мои напряжённые плечи. Казалось, ветреная Удача сегодня не просто благоволила ко мне, а с многообещающей улыбкой шла прямиком в мои руки.

Внезапно кто-то со зверской силой дёрнул дверь и вырвал шпингалет, задвинутый мной неприметно для девушки ещё при входе.

– Зачем вы выключили свет и закрылись на запор! – взревел знакомый нам осуждающий цензорский бас. – И что это вы такое несообразное вознамерились тут в темноте делать?!

Моника молниеносно отпрыгнула от меня и в неподдельном страхе затараторила:

– Ничего мы и не собирались здесь делать противоестественного! Я включила фен и, видно, произошло короткое замыкание! Думаю, что выбило ограничитель на щитке! Он находится в конце коридора, за входной дверью! Будьте так любезны, сеньор Степан, включите нам освещение!

– Держитесь, Моника! Я сейчас Вас спасу! – решительно прогремел богатырь, будто заплутавшая в пуще принцесса извивалась в лапищах серийного сексуального тролля-маньяка.

Я услышал в коридоре его тяжелые, поспешные шаги, затем глухой удар – и весьма замысловатые и сочные проклятья. Очевидно, спаситель в порыве рьяного усердия напоролся на торец приоткрытой входной двери. Щелкнул выключатель, свет болезненно мигнул – и снова погас.

– Да выдерните же фен из розетки! – прорычал запсиховавший электрик.

Когда освещение, наконец-то, было восстановлено, Степан заглянул в туалет и придирчиво осмотрел сначала меня, а затем и Монику, с головы и до самых пяточек. И, как мне показалось, дотошное и обстоятельное обследование не убавило его подозрительности.

– Чего ты на нас так вылупился, как блюститель строгих пуританских нравов?! – перешёл я в решительную контратаку. – Мы занимались здесь вполне естественными делами! Теперь это деяние называется «сушкой мокрой рубахи»! А где же твои обещанные ведро, швабра и веник?! Подсобка закрылась на месячный переучёт?!

– Я туда ещё не добрался, – переминаясь с ноги на ногу, насупился исполин. – Душа почувствовала что-то неладное, вот я и вернулся. И, как мне показалось, весьма и весьма своевременно!

– Теперь Вы можете спокойно продолжить свой путь, – утешила гиганта адвокатесса. – А я постараюсь высушить рубаху Василия одноразовыми полотенцами.

И она указала на висящий на стене пластмассовый ящик с торчащими из прорези бумажными полотенцами.

– Только трите его, Моника, сильнее и энергичнее! – всполошился мой назойливый добродей. – Василий, знаете ли, ужасно боится щекотки!

– Нет-нет, Моника! – незлобиво воспротивился я услужливой подсказке моего опекуна. – Степан спутал меня со своим сотоварищем по ночлегу, Николаем Маленьким. А что касается меня, то чем мягче и нежнее будут Ваши движения, тем эффективней будет процесс реабилитации. А ты, Стёпушка, ступай за инвентарём. И если его в подсобке, случайно, не обнаружишь, то ближайший магазинчик за четыре с половиной квартала отсели. Где? Ну ты же уже большой мальчик. Поспрашиваешь сердобольных жителей Фафи, и услужливые прохожие укажут тебе дорогу.

Степан, беспокойно засопел и неохотно направил стопы к своей труднодостижимой цели. Когда его шаги утихли, я приблизился к слегка смущённой девушке и заключил её тело в мои крепкие объятья. Моника попыталась отстраниться от меня, но недостаточно настойчиво, чтоб остудить мой пыл. Какое-то время мы безмолвно стояли всё крепче и крепче прижимаясь друг к другу. Затем я приподнял головку смуглянки за подбородочек и только собрался поцеловать её в алые уста, как услышал тяжёлый топот быстро приближающихся бычьих копыт.

Смуглянка резко отпрянула от меня, выдернула из контейнера бумажное полотенце и бросилась промокать мою мокрую рубаху. Дверь распахнулась, и в проёме появился всё тот же назойливый и прилипчивый полесский репейник.

– Вы меня звали?! – услышал я идиотский вопрос, на который гигант даже не удосужился выслушать ответа. – Ну, значит, мне показалось!

И туфли сорок седьмого размера снова загрохотали в сторону лестницы.

– Когда же всё это кончится? – устало вздохнула Моника. – Наверное, Ваш друг сегодня уже навряд ли угомонится. А знаете, Василий, мне кажется, что нам не стоит больше возиться с Вашей вконец вымокшей рубахой. У меня есть пару стопок новеньких футболок с эмблемой фирмы «Либерти Сегурош». Я сотрудничаю с этой страховой компанией и мне предоставили эти футболки для привлечения новый перспективных клиентов.

Адвокатесса сходила в кабинет и вернулась с несколькими упаковками отменно выглаженных футболок.

– Я думаю, что Вам подойдёт XL, – прикинула на глаз смуглянка. – Какой цвет Вам больше нравится: белый, чёрный или фиолетовый? Белый? Мне тоже кажется, что он Вам более

к лицу. Одевайте футболку, а рубаху положите в пакет, а уже у себя дома простираете и высушите её. Возьмите на переменку ещё и фиолетовую футболку, а то, вдруг, Ваш бестолковый приятель опять что-нибудь на Вас вывернет.

Я сбросил опостылевшее мне мокрое одеяние, а девушка с любопытством взглянула на мой обнажённый торс. На этот раз, несомненно, гигант подкрался к туалету по-шпионски – беззвучно, на цыпочках. Дверь резко растворилась и торжествующий голос прокурора оповестил незримых присяжных:

– Смотрите! Так я и знал, что дело дойдёт до этого! Я вернулся как нельзя вовремя, чтобы уберечь Вас, Моника, от постыднейшего зрелища! Василий ведь не зря Вам говорил, что Вы недостаточно осведомлены об его индивидуальных особенностях! Вот он и вознамерился продемонстрировать их Вам в открытую и, насколько я вижу, сделал это уже наполовину!

– Сеньор Степан! Вы переходите всякие допустимые границы! – раздражённо осудила зарвавшегося нахала адвокатесса. – Такое ощущения, что не я законная хозяйка этого заведения, а Вы со своей хронической подозрительностью! И как Вы только смеете обвинять Вашего товарища в эксгибиционизме?! Он как раз надевает футболку, которую я ему только что подарила! Мы решили не морочить голову с его мокрой и пропахшей затхлой водой рубахой! Вы меня чрезвычайно разочаровали, сеньор Степан! Я уже начинаю сожалеть, что потратила моё драгоценное время на общение с Вами. И меня крайне огорчают Ваши постоянные нападки на сеньора Василия, который, между прочим, и привёл Вас сюда. А ведь он всегда, в заочных разговорах, называл Вас своим самым лучшим и преданейшим товарищем. А Вам не кажется, что Вы не только не оправдали его доверия, но и уронили свою честь и запятнали своё джентльменское достоинство?

– Попутно замечу, что сегодня один весьма почтенный доктор юриспруденции сказал сеньору Степану почти что тоже самое, – не преминул и я подлить масла в огонь.

Честно говоря, мне было любо-дорого смотреть на разгорячившуюся от гнева и возмущения смуглянку. Она пыхтела, как клокочущий на примусе чайник, выплёскивая всё накипевшее и наболевшее за сегодняшний вечер.

– Кстати, а где же обещанные Вами ведро, веник и швабра?! – саркастически напомнила хозяйка разгромленного агентства. – У Вас денег на них не хватило?! Хотите, я одолжу Вам тридцать евро на покупку инвентаря?!

– Но подсобка оказалась закрытой на ключ, а разрешения судьи на вскрытие запертой двери у меня, к несчастью, не оказалось! – с глупейшим выражением на «фронтоне» попытался обелиться бесстыжий кандидат в уборщики.

– Ключ висит на гвоздике в двадцати сантиметрах справа от двери, – подтолкнула слепца на путь истинный раздражённая девушка. – Вам надобны ещё какие-либо особые инструкции или дополнительные указания? Подождите! Я сейчас напишу их на гербовой бумаге и заверю моей личной печатью!

Наконец, до Степана дошло, что он чрезмерно перегнул палку, и приспела пора покаяться в прегрешениях и в коварном, недоброжелательном умысле. Понурив буйную головушку, украинский богатырь пристыжено повинился:

– Уважаемая доктор Дуарте! Приношу Вам тысячу извинений за мою беспробудную глупость и непростительную бестактность! Но у меня выдался сегодня невообразимо тяжелый и безрадостный день, и я совершенно утратил контроль над моими эмоциями. Я попал в такую ужасающую ситуацию, что даже не знаю точно, доживу ли до окончания последующей недели. Под воздействием сильнейшего стресса я совершил в Вашем присутствии ряд неприглядных деяний, и нёс такую ахинею и белиберду, что совестно теперь даже припомнить. И если мне суждено безвременно и бесславно погибнуть вдали от Родины, то я не хотел бы остаться в Вашей памяти пустомелей, придурком и балагуром. Позвольте же мне попытаться хоть в какой-то малой мере возвратить Вашу благосклонность и доброе расположение.

Гигант словно взлетел в воздух и понёсся по коридору в сторону лестницы. И мне, вдруг, почудилось, что он позаимствовал моторчик с пропеллером у славного Карлсона, который проживает на крыше.

Моника взглянула на меня широко открытыми и увлажнёнными от жалости очами:

– Вашему товарищу и вправду угрожает опасность? И это как-то связано с вашим интересом к мэтру Жуау Куэлью да Пика?

– Да, в какой-то мере, но далеко не в малой … – неуверенно начал было я, но в последний момент всё же сдержался. – Извините, но я не имею полномочий от моего друга говорить об этом открыто и откровенно. Боюсь, что и Вам он навряд ли доверит свою тайну чистосердечно и без утайки. Скажу только, что Степан действительно угодил в неприятную ситуацию и это вполне может стоить ему жизни. Весьма вероятно, что такая же незавидная участь грозит в той же мере и моему существованию. И если Вы действительно желаете нам помочь, то ответьте по возможности на все наши бесхитростные вопросы. А пока что давайте вернёмся в Ваш кабинет.

7. Карминовые розы.

Но не успели мы усесться на наши места, как в помещение ворвался безудержный камикадзе с ведром, метлой и со смятой тряпкой в руках. По-видимому, швабры Степан не нашел, но с помощью большой сероватой тряпки сноровисто собрал всю разлитую из перевёрнутой вазы воду. Затем гигант проворно смёл с пола останки букета и обрывки бумаг, и сгрёб весь этот мусор в большущий бумажный пакет. Быстро сменив в ведре воду, он энергично принялся за влажную уборку кабинета. В его ловких и расчётливых движениях чувствовался опыт бывалого матроса, завсегдатая корабельной и гарнизонной Североморской гауптвахты. Трёхлетняя служба в Краснознамённом Северном флоте не прошла бесследно для моего пробивного приятеля. Добравшись до хозяйки агентства, он легко поднял кресло с Моникой высоко в воздух и поставил его на средину широкого письменного стола. А ведь адвокатесса была далеко не миниатюрной Золушкой и вовсе не утончённой принцессой на горошине!

Она тихо ойкнула и, выпучив глазища, застыла на зыбкой верхотуре, боясь пошевелиться или выдохнуть воздух. Стол угрожающе затрещал и заскрипел под непомерной вескостью авторитета доктора Дуарте. Однако краснодеревщики Пасуш-ди-Феррейра не посрамили славу и искусность своих великих предков, и их творение всё же выдержало запредельную нагрузку.

Я конвульсивно ухватился руками в основание кресла, опасаясь, что оно скатится на колёсиках на край столешницы и несчастная Моника упадёт на пол. А богатырь, шустро вымыв пол у подножия стола, без видимых усилий подхватил кресло с девушкой и мягко приземлил его на прежнее место. Он чуть было не оторвал мне руки, ибо я не успел быстро разжать мои сведённые судорогой пальцы. Гигант так искусно и ладно орудовал тряпкой, будто драил до блеска корабельную палубу всю свою сознательную жизнь. Присмотревшись к орудию производства Степана, я начал подозревать, что это рабочий халат уборщицы, которая ежедневно наводила порядок в агентстве Моники.

Не прошло и пяти минут, как паркет в кабинете был начисто вымыт, а вся мебель была протёрта чуть влажноватой тряпкой, в которой я признал рукав от халата уборщицы. В порыве энтузиазма и усердия бывший главный старшина Северного флота «выскоблил» даже коридор адвокатского агентства.

– А гальюн?! – по-боцмански прикрикнул я на проштрафившегося салагу.

– К величайшему несчастью, у меня нет лицензии на обслуживание женских туалетов, – услышал я из коридора удручённый голос ещё не достигшего наивысшей квалификации чистильщика. – Но раз ты уже получил туда доступ, то можешь самолично «вылизать» это интимное дамское помещение.

Однако несмотря на свою колкую тираду, «блюститель нравов» навел марафет даже в клозете, проверяя, не сотворили ли мы с Моникой там что-либо противозаконное.

Неожиданно я почувствовал на себе укоризненный взгляд Моники и, повернувшись в её сторону, убедился, что не ошибся. Говорили мы со Степаном по-русски и она, видимо, решила, что я подтруниваю над моим суетящимся товарищем. Вообще-то, я вовсе не собирался ни издеваться, ни насмехаться над уборщиком-добровольцем. Мне просто было интересно смотреть на индивидуума, занимающегося садомазохизмом таким извращенческим образом. Но чтобы избежать ненужных трений, я тихонечко пояснил девушке:

– Я предложил моему другу посильную помощь, но он категорически от неё отказался.

Когда шестой подвиг Геракла был триумфально завершён, богатырь встал по стойке смирно перед столом адвокатессы. Гигант по-молодецки прижимал к плечу синтетическую метлу, как гвардеец-часовой свою не дающую пощады фузею.

– Достопочтимая доктор Дуарте! Теперь, когда это помещение более-менее достойно Вашего присутствия, разрешите мне удалиться по неотложному делу!

– Как?! Ты уже улетаешь?! – не очень искренне огорчился я, поглядывая на метлу реактивного чародея. – Нам будет тебя очень и очень не хватать! Но ты не тревожься, дружище! Я уже договорился с нашей гостеприимной хозяйкой. Она предоставит мне в полном объёме всю интересующую нас информацию. А я тебе уже завтрашним утром всё подробно, в точности, до мельчайших деталей перескажу.

– Не волнуйся, дружище! Я отлучусь ненадолго! – «обрадовал» меня исполин. – Так что не стоит вам расслабляться. И уйдём мы отсюда все вместе! А то ты завёл меня в незнакомый район города, и я не уверен, что самостоятельно найду дорогу обратно.

Степан неприкрыто лукавил, так как агентство доктора Дуарте размещалось в Доме Финансов, здание которого находилось практически в центре Фафи. А отсюда до ратуши было не более сотни метров. Так что заблудиться здесь мог только молодой папуас из самой глухой глубинки Новой Гвинеи.

Когда гигант, наконец-то, удалился размеренным строевым шагом, грохоча своей метлой и ведром, мы с Моникой досадливо переглянулись и, не сговариваясь, синхронно выдохнули воздух из перенапряжённых лёгких.

– Неисправим! – в один голос посетовали мы – и расхохотались над объединившей нас мыслью.

Когда мы насилу успокоились, я, наконец-то, решился задать уже давно назревший вопрос:

– Моника! Мы ведь спрашивали Вас о доне Жуау, а Вы почему-то битый час рассказывали нам о его славном прародителе Андре Мартинше Куэлью. Вам не кажется, что это было немного длинноватое лирическое отступление?

– Нет, не кажется, – отклонила мой мягкий упрёк уязвлённая собеседница. – Мне пришлось Вам всё это высказать только потому, чтобы Вы поняли самое главное – Андре для мэтра с раннего детства был сакральным кумиром, эталоном мужественности и благородства, непогрешимым примером для восторженного подражания. Жуау всегда и во всём, даже внешне, старался походить на своего обожествляемого предка. Он всю жизнь, пока не начал седеть и лысеть, неизменно красил свои волосы в белый цвет. Доктор с ранней юности и до сей поры делает специальные упражнения, чтобы увеличить свой не слишком высокий рост. Да и охотой он занялся только потому, что жаждал стрелять так же метко, как и его легендарный пращур. А обучаясь в Куимбрском университете, он серьезно занялся фехтованием на шпагах и неоднократно становился чемпионом Португалии в этой спортивной дисциплине. И он постоянно выигрывал это первенство, даже тогда, когда уже был в довольно-таки зрелом возрасте. Ходят слухи, что он неоднократно вызывал своих обидчиков и врагов на дуэль. Но никто так и не отважился драться с ним на шпагах или пистолетах. Правда, говорили, что пару смельчаков ответили на его вызов, однако их после этого больше нигде ни разу не видели.

У меня внутри всё похолодело, когда я услышал эти роковые, погребальные слова. Я осознал, как просчитался Степан, надеясь, что с выбором неординарного оружия он получил неоспоримое преимущество в предстоящем поединке. А Моника увлечённо продолжала свой эмоциональный монолог, даже не замечая мертвецкой бледности на моём заледеневшем лике.

– Между прочим, Жуау является третьим и последним отпрыском в семействе своего батюшки дона Мартинша, и не он должен был унаследовать «Кинта да Пика». Старший брат доктора, Андре, был зарезан своим чернокожим денщиком в Анголе, которого он, кстати, уважал и любил. То ли анголец сошёл с ума, то ли втайне ненавидел колонизаторов, но ночью он перерезал капитану Куэлью горло и скрылся где-то в непроходимых болотах джунглей. Средний же брат мэтра, Филиппе, сражался в Испании в рядах республиканцев, израненным попал в плен и по излечению был расстрелян франкистами. Вот так молоденький Жуау и унаследовал всё достояние своих предков. Может быть, это и к лучшему, поскольку только он, единственный из всех братьев, свято веровал в историческую хронику семейства Куэлью. Жуау гра-

мотно вложил унаследованные капиталы в прибыльные предприятия и многократно увеличил своё состояние. Благодаря баснословным прибылям, он полностью реставрировал своё древнее родовое поместье. Да и на воскрешение загубленных Пикавальских виноградников мэтр ежегодно расходует немалые деньги.

– Вы, возможно непреднамеренно, избегаете разговоров о самых близких родственниках доктора Жуау, – попробовал я деликатно направить беседу в нужное мне русло. – Разве у него в личной жизни что-то не ладится?

По лицу Моники стало заметно, что ей не очень-то и хочется затрагивать эту весьма щекотливую тему, однако она всё же себя пересилила:

– Его супруга, Луиза, в которой он души не чаял, скоропостижно скончалась около восемнадцати лет назад. Дон Жуау долго разыскивал свою половинку, так как желал, чтобы его будущие сыновья стали снова похожи на исчезнувших древних свевов. Белокурую и голубоглазую Луизу Ван дер Куэлен он нашел в Голландии, в Северном Брабанте. Она принадлежала к одному из древних ответвлений рода Куэлью, невесть когда очутившемуся на юге Нидерландов. Луиза была почти что на голову выше своего супруга, однако это нисколько не смущало влюблённого Жуау. Это был поздний, но довольно удачный и счастливый брак. Но женитьба оправдала далеко не все чаяния преуспевающего адвоката. Его сыновья, Мартинш и Виктор, абсолютно не схожи со своей матерью и больше напоминают самых обыкновенных португальцев из южных регионов. Лишь только дочь Жуау, Виллемина, унаследовала облик и стать светловолосой и пышногрудой северянки. Повзрослев, Виллемина часто навещала своего голландского дедушку Хенка, затем поступила в Эйндховенский университет и, в конце концов, вышла замуж за своего сокурсника. Сейчас она со своей семьей живёт в маленьком поместье в Брабанте, которое ей завещал дедушка Хенк. Правда, до меня недавно дошли слухи, что она развелась со своим проштрафившимся чем-то супругом.

Мартинш же и Виктор не очень-то и разделяли стремления и чаяний своего романтичного отца. Они закончили университеты и, получив высшее экономическое образование, полностью погрузились в биржевую торговлю. А после смерти Луизы отношения Жуау с сыновьями и вовсе разладились. Быть может это потому, что его дети – люди практичные и приземлённые, и предпочитаю брать от этой жизни всё деньгами и ценными бумагами. И они снисходительно полагают, что намерение отца восстановить жизнь в Пикавальской долине – это попросту его странное чудачество, а может быть и признак старческого маразма.

– Так значит, доктор Жуау уже восемнадцать лет безутешно вдовствует, – понимающе кивнул я, провоцируя собеседницу на более откровенный разговор.

– Ну, я бы так не сказала, – неожиданно занервничала Моника, и я понял, что эта с виду невинная фраза её чем-то задела. – Женщин он отнюдь не чурается и предпочитает для отношений высоких и фигуристых молодых женщин. И хотя даже самые красивые незамужние женщины к мэтру весьма благосклонны, но он не имеет желания связывать себя хоть сколько-нибудь серьезными обязательствами. Как говорят циники, попользовался какое-то время роскошным девичьим телом – и до свиданья. Все ценности и недвижимость должны оставаться в семье, а не перейти по наследству к какой-то там вертихвостке!

Высказано всё это было чересчур страстно, порывисто и с оттенком горечи. Внезапно адвокатесса вздрогнула и бросила на меня испытующий, настороженный взгляд. Моника густо-густо покраснела, ибо сообразила по выражению моего лица, что я догадался о причине её бурной реакции. И она пала жертвою престарелого Дон Жуана, снедаемая несбыточной надеждой завладеть его сердцем и несметными капиталами!

– Так кто же станет главным наследником огромного состояния дона Жуау Мартинша да Пика ду Кумулу? – задал я отвлекающий вопрос, чтобы хоть немного погасить так некстати возникшее нервное напряжение.

– Как адвокат, я не вправе разглашать тайны пусть даже и не моих непосредственных клиентов, – не подымая пристыженных глаз, отказала мне в не очень-то и нужной информации юристка. – Могу только сказать, что оглашение нового завещания станет настоящим шоком для Мартинша и Виктора, терпеливо ждущих кончины своего родителя.

В этот момент мы услышали тяжёлые, гулкие шаги, сначала где-то внизу на лестнице, а потом и непосредственно в коридоре. Дверь в кабинет приоткрылась, и в проёме появился огромнейший букет алых роз, источающий головокружительный аромат даже с такого отдалённого расстояния. Таких крупных бутонов и длинных стеблей роз я в жизни моей ещё ни разу не видел. Из нижней части букета торчали длиннющие ноги, которые мне показались до боли знакомыми. И я понял, что эти прекрасные розы пришли вовсе не сами собой в агентство адвокатессы Моники Дуарте. Они привели с собой и записного дуэлянта, секундантом которого я и стал на мою беду по воли несчастного случая.

А тернопольский богатырь галантно приблизился к столу адвокатессы, по-рыцарски преклонил правое колено и протянул застывшей в изумлении девушке колышущееся море карминовых роз.

– О, прекраснейшая мадмуазель Моника! – патетично начал Степан, отлично зная о фанатичном благоговении португальских обывателей перед всем французским. И это была единственная фраза, которую я понял из его последующей пространной речи. Дело в том, что гигант изъяснялся на языке д'Артаньяна, в котором я, мягко говоря, был не очень-то и силён. А французскому языку его восемь лет подряд обучал Аристарх Поликратович Завадский, потомственный шляхтич, эрудит и полиглот. Этот блистательный педагог, отсидевший три срока в колымских лагерях, учительствовал в поселковой школе при колымском золотоносном прииске, где в своё время и работали родители Степана. А ещё два года, перед поступлением в КПИ, мой друг штудировал французский язык уже непосредственно в Тернополе, куда вернулась его семья из Восточной Сибири. Нельзя сказать, что ученик Аристарха имел особую тягу или способности к овладению вторым разговорным языком русских аристократов. Этому способствовали мягкие увещевания его любящей матери и настойчивые «просьбы» широкого папиного ремня. Конечно, без практики общения и чтения книг исполин должен был основательно подзабыть язык Жорж Санд и Стендаля. Но в последнее время я неоднократно видел его с раскрытым учебником французского языка. Прохиндей будто чувствовал, что язык сладострастия и любви ему в ближайшее время очень даже сгодится.

(Примечание. Об Аристархе Завадском повествуется в рассказе «Учитель» и в романе «На краюшке Земли»)

Пожирая красавицу масляными глазами, тернопольский ловелас растачал любострастные словеса так пылко, пафосно и одухотворённо, что даже я уверовал в искренность его чувств. Адвокатесса была настолько потрясена нежданным преображением Степана, что не могла оторвать своих глаз от струившего любезности шевалье. И оливковый цвет кожи лица впечатлительной смуглянки помаленьку растворился в насыщенном румянце её пылающих щёк.

И завоеванное мной преимущество перед двухметровым паяцем начало таять, как негаданно выпавший майский снег под жгучим дыханием лучезарного Гелиоса. И в этом раунде пронырливый прохвост набрал столько очков, что с огромной лихвой перекрыл предоставленный мне гандикап. Мне было противно слушать, как полесский соловей рассыпает свои сладкозвучные трели необычайно зычным певческим басом-контанто. И словно добивая уже повергнутого противника, Степан неожиданно перешёл на английский язык:

– Примите этот скромный букет алых роз, как знак раскаяния Вашего оплошавшего поклонника за непредумышленно нанесённые Вам огорчения. И я приложу всё моё усердие и старательность, чтобы вернуть мне Вашу благожелательность и доброе отношение.

Смуглянка изумлённо вздёрнула правую бровь – и полновесных очков в копилке гиганта заметно прибавилось. И тут мне стало до слёз, до соплей обидно! Ну ладно! Французский язык Степан выучил хоть из-под палки, но всё-таки своим личным трудом. И это в какой-то мере была его собственная, добытая потом заслуга. Но английский язык ему достался надурняк, на экспериментальных двухмесячных курсах доктора Сивоконя. Под гипнозом иностранный язык мог освоить каждый дурак и тупица, тем более под воздействием специальной аппаратуры. И это было превосходно заметно по тернопольцу, который был в состоянии перевести самые заковыристые английские словеса, но не всегда мог объяснить их конкретного смысла и истинного толкования.

(Примечание. О том, как Степан усвоил английский язык, рассказывается в повести «Степан и Сивоконь» и в романе «На краюшке Земли»)

Мне нужно было что-то срочно предпринять, чтоб не позволить дамскому обольстителю отодвинуть меня на второй план. Но я даже не мог себе представить, что же такое вытворить, чтобы вернуть утраченное мной преимущество.

А к доктору Дуарте, наконец-то, вернулась способность говорить, и она срывающимся от волнения голосом с трудом вымолвила:

– Я даже не предполагала, сеньор Степан, что Вы так отменно владеете французской и английской речью. И я с искренней благодарностью принимаю Ваши восхитительные цветы. Если признаться честно, то я уже давно Вас простила, узнав от Василия, под каким тяжким стрессом Вы в последнее время находитесь.

– Господи! Какой же я всё-таки идиот! – пришёл я в полнейшее отчаяние. – Моя же собственная необдуманная, отвлечённая болтовня, позволила конкуренту обойти меня на крутом повороте!

Степан набычился и метнул на меня пронзительный взгляд.

– Нет-нет! Ваш друг не сказал ничего определённого! – вступилась за меня Моника. – Но он дал мне ясно понять, отчего Вы не отдавали себе отчёт о своём неадекватном, экстравагантном поведении. Давайте же сюда Ваш букет. Скажу Вам чистосердечно, что таких восхитительных роз мне принимать в подарок ещё ни разу в жизни не приходилось.

Благородный рыцарь встал с колена и, с медоточивой улыбкой, всучил охапку дивных цветов в руки дамы своего любвеобильного сердца. Дама болезненно вскрикнула и отскочила назад, инстинктивно всунув свой исколотый пальчик в аленький ротик:

– Они такие колючие!

– Как и роковые последствия нежданно вспыхнувшей страсти! – зловеще предрёк я, однако на моё карканье не обратили внимание.

– Сейчас я всё устрою! – вызвался сгладить возникшие шероховатости тернопольский Фигаро. – Я немедля помещу цветы в вазу, поставлю их на стойку, и Вы будете наслаждаться их дивной красой, сколько Вашей душе будет угодно! Хотя, следует признать откровенно, что Ваша несравненная красота, несомненно, затмит яркость даже самых изысканнейших и редчайших бутонов! А пока что возьмите мой носовой платок и остановите сочащуюся из пальчика кровь.

И Степан протянул Монике галантно извлечённый из кармана платок. И я просто ахнул от удивления! Впервые за два с гаком года моего знакомств с гигантом я видел его платок настоль идеально чистым и старательно отутюженным.

– Каков нахал! – чуть не взорвался я в мыслях от бурного негодования. – Да он точно заранее предвидел все сегодняшние события и обстоятельно к ним подготовился!

И тут гениальная догадка осенила мои заторможенные мозги. Пока хлопотун набирал воду в вазу и с величайшим трудом всовывал огромный букет в её горловину, мне бросилось в глаза, что руки Степана здорово исцарапаны, а стебли роз не срезаны, а обломаны. И я уже

было набрал в лёгкие воздух, чтоб огласить едкое замечание о сомнительном происхождении контрабандных роз, как в коридоре послышалась чья-то шаркающая походка.

Мы дружно повернули головы и увидели уныло бредущую по коридору уборщицу Дома Финансов. Не поднимая лица, техничка заглянула в кабинет, внимательно осмотрела вылизанный до блеска пол и полувопросительно полуутвердительно проворчала:

– Я уже этим вечером здесь убирала.

Изнурённая тяжким трудом женщина болезненно сморщилась и жалостливо захныкала:

– Пора идти в отпуск, а то моя голова уже совершенно не работает. Уже и о том, как мыла сегодня полы, и то не припомню. И новую швабру где-то посеяла. А выстиранный и выглаженный халат никак нигде найти не могу. Он будто бы в воду канул!

Она подняла слезящиеся глаза на Монику и, не замечая её видных клиентов, страдальчески молвила:

– Шли бы Вы уже домой, доктор Дуарте. А то будет у Вас тоже самое, что и у меня от хронического переутомления. Да и входные двери давно уже пора закрывать.

И не дождавшись ответа, техничка поплелась в обратном направлении, раздражительно бурча себе под нос:

– И куда же всё-таки халат и швабра запропастились?

Моника встала из-за стола и потянулась за своей сумкой.

– Наверное, мы действительно засиделись. Всё, что я была вправе вам без опаски рассказать, мною сегодня уже поведано. Если у вас возникнут какие-нибудь дополнительные вопросы, то приходите в будний день до шести часов вечера или в субботу с утра и до обеда. Я не всегда задерживаюсь по субботам до шести.

– Одну минуточку! – засуетился гигант и, забежав в туалет, возвратился оттуда со сгоревшим феном. – Я заберу эту штучку домой и там её отремонтирую. А завтра, в любое удобное для Вас время, я приду сюда с инструментом и повешу на место упавшую картину. Ну и поправлю перекошенную дверку книжного шкафа.

Степан поднял очи к потолку, присмотрелся к подмигивающей ему люстре и, немного подумавши, добавил:

– А заодно Вам и электропроводку подчиню.

Смуглянка, потупив карие глаза, до неприличия жеманно засмущалась:

– Ну я не знаю, будет ли у меня завтра свободное время. Да и не хотелось бы Вас беспокоить в воскресный день.

– Ничего страшного! – небрежно отмахнулся Степан, оскалившись в великодушной улыбке. – Ради Ваших прекрасных глаз я готов это сделать даже глубокой ночью. Вот Вам номер моего мобильного телефончика! Можете звонить в любое подходящее для Вас время.

И мастер на все руки и ноги протянул юристке небольшой прямоугольник плотной бумаги. На импровизированной визитной карточке были большими знаками пропечатаны имя и фамилия украинского деляги, а также номер его сотового телефона. Доктор Дуарте с благодарностью приняла реквизиты талантливого ученика великого комбинатора. И я почувствовал, как подозрение в том, что Степан всё это подстроил заранее, всё более и более гложет меня.

Я вместе с моим компаньоном медленно спускался по лестнице, пока Моника проверяла, закрыты ли все двери и надёжно ли работает сигнализация.

– Ну ты и свинья, Стёпа! – зашипел я на новоявленного Брута. – Я привел тебя к женщине, к которой питал самые нежные чувства, чтобы добыть для тебя жизненно важную информацию. А ты так коварно, бесстыже и подло отбиваешь её у меня. У тебя, как видно, уже ни капельки совести и порядочности не осталась.

– Ну прости меня дружище. Нужно было загодя предупредить, что ты на неё свой глаз положил, – рассыпался в извинениях хитроумный притворщик. – Я ведь твой верный, предан-

ный друг и поперёк дороги тебе никогда не стану. Да и чего ты зазря так волнуешься, мы ведь уходим домой отсели все вместе.

– Мне бы очень хотелось, чтоб при нашем исходе отсюда было на одного дылду меньше, – не смог скрыть я моего самого сокровенного желания.

– Да не убивайся ты так, Василий! – по-дружески обнял меня за плечи детина. – Не такой уж ты и долговязый и нескладный парень. И многие зрелые и перезрелые дамы находят тебя очень даже приятным и воспитанным малым.

Я люто зыркнул на исполина, но учитывая его мышечную массу, решил воздержаться от дальнейшей бесполезной конфронтации. Да и ссорится перед предстоящей смертельной дуэлью нам было совершенно ни к чему, особо в свете добытой нами весьма тревожной информации.

8. Вместо шлюпки – круг.

Когда двери Дома финансов были закрыты, адвокатесса перешла наискосок улицу и уселась в свой кремовый «опель».

– Может быть, вас подвезти? – опустив стекло дверцы, милостиво предложила Моника.

– Нет, что Вы, что Вы!!! – яростно запротестовал я, сообразив, что при любом маршруте мне выходить из машины раньше Степана. – Мы пройдёмся пешочком, чтоб немного подышать свежим воздухом! Нам тут недалече! Да и мой друг просил меня показать ему наш город, в котором он ещё плохо ориентируется. Вы же хорошо знаете, какие здесь запутанные улочки и переулки. Спокойной ночи!

И не дав гиганту раскрыть рот, я потащил его под руку в сторону площади Двадцать пятого апреля. Богатырь вяло сопротивлялся, но я настырно волок его за собой, в душе радуясь такому удачному исходу. Тем более, что визитная карточка моего чрезмерно находчивого товарища лежала в моём кармане. Я незаметно «смахнул» её в кабинете с письменного стола в то время, как Моника и Степан обменивались пространными любезностями.

Неожиданно, я услышал, как за нашими спинами жалостливо заурчал мотор автомобиля и, трижды простужено чихнув, заглох. Моника попыталась заново оживить «усопший» двигатель, но с тем же безутешным и провальным эффектом. «Опель» ещё раз чихнул и три раза подряд недоумённо мигнул нам подфарниками.

Исполин вырвался из моих рук и с юношеской проворностью помчался к машине доктора.

– У неё не заводится движок!!! Наверное, карбюратор засорился!!! Надобно срочно его прочистить!!! – вопил на всю улицу улепётывающий от меня самозваный автомеханик.

Гигант подбежал к автомобилю и всунул свою голову по самые плечи в его открытое окошко. Через секунду он вынырнул оттуда и уверенным движением распахнул дверцу водителя. В салоне зажегся свет, и я увидел, как Моника весьма поспешно передвигается на соседнее кресло. Степан ловко впрыгнул на место шофёра и с такой силой захлопнул дверь, что она лишь каким-то чудом не отворилась вовнутрь салона. Казалось, что на этот раз мотор завёлся только от одной мысли нетерпеливого водителя. Машина круто развернулась на брусчатой улице – и стремительно умчалась вдаль, насмешливо подмаргивая мне габаритными огнями.

До меня, наконец-то, дошло, у кого забился карбюратор, и кто и как собирался его чистить.

– Вот она – искренняя и бескорыстная мужская дружба! – с обжигающей нутро горечью подумал я. – До первой смазливой и фигуристой тёлки! Переделать мужицкую кобелиную сущность практически невозможно. Это только в старой советской песне поётся: «Друг всегда уступить готов, вместо шлюпки – круг». Хотя, чего уж там теперь говорить! Шлюпка оказалась настолько привлекательной и соблазнительной, что дружба выветрилась, как дешёвый поддельный «фирменный» одеколон.

На немноголюдной улице уже совсем стемнело и автоматически включилось ночное освещение. Уныло понурив голову, я добрёл до переулка Суареша Велозу и увидел в его глубине полицейскую машину, озаряющую окрестности зловещей мигалкой. Она стояла у ворот роскошной старинной усадьбы, которая фактически соседствовала с городской ратушей. Ухоженный двухэтажный особняк, окружённый уютным декоративным садом, по-видимому, принадлежал довольно-таки зажиточным и уважаемым гражданам Фафи. У распахнутых врат поместья по стойке смирно застыли двое молоденьких полицейских во главе с бывалым ветераном правоохранительных органов. И в этом высоком, статном и красивом мужчине я признал

моего друга, дона Фабиу, с которым познакомился на прошлогоднем этапе велогонки «Волта а Португал».

(Примечание. Об этом повествуется в рассказе «Volta a Portugal» и в романе «На краюшке Земли».)

«Доном» этого старого, многоопытного служаку почтительно именовало молодое поколение фафинских полицейских за его мудрость, выдержку, прозорливость и рассудительность. Мне думалось, что утомлённый герой давным-давно уже ушёл на пенсию. Однако Родина так и не отпустила на заслуженный отдых умудрённого опытом блюстителя правопорядка. Если бы Вам довелось повстречать дона Фабиу где-нибудь в глубинке России, Украины или Белоруссии, то вы ни за чтобы не усомнились, что перед вами бесхитростный и благодушный тамошний обыватель. Белая кожа, круглое лицо, усы и волосы пшеничного цвета, а также светло-серые глаза не позволяли признать в нём уроженца солнечной Лузитании. (Примечание. Лузитания – древнее название Португалии). В северных и восточных регионах страны достаточно часто встречаются вот такие нетипичные португальцы, которых я нередко по ошибке принимал за моих соотечественников.

Забыв об усталости, я свернул в переулок и слился с толпой зевак, которые весьма быстро окружали полицейскую машину. Казалось, что целые стаи «любопытствующих ворон» стремительно слетаются практически со всех сторон Света.

Из ворот усадьбы изрыгался зычный, басистый лай, по-видимому, принадлежащий довольно крупной и страшно обозлённой собаке. Дона Фабиу, безусловно, оторвали от домашнего очага, так как волосы его были почти что не расчёсаны, а две пуговички на форменной рубахе – и вовсе не застёгнуты. Он стоял с ручкой и блокнотом в руках и пытался что-то выяснить у невидимой мне особы, стоявшей где-то в глубине затемнённого двора. В конце концов, дон Фабиу не выдержал и, повысив свой голос, обратился к собеседнику с вежливой, но настойчивой просьбой:

– А Вы не могли бы немного утихомирить Вашу голосистую собачку, ведь я фактически ничего не слышу.

– Вельзевул!!! Заткнись!!! – прозвучала резкая, бескомпромиссная команда, – и в наступившей тишине я уловил отдаленный стрёкот сверчков где-то в глубине тихого декоративного сада.

По отданному псине жёсткому приказанию мне было трудно понять, кто удовлетворил просьбу раздражённого полицейского. Для мужчины голос был немного высоковат, и меня не удивило бы, если пса угомонила женщина с надтреснутым контральто. Я старательно протискивался сквозь столпотворение ротозеев, чтобы заглянуть в открытые настежь ворота.

– Руи! – обернулся дон Фабиу к одному из своих подчинённых. – Срочно выключи мигалку, а то сейчас сюда пол Фафи сбежится.

Взгляд старого полицейского скользнул по мне, и он одарил меня мягкой мимолётной улыбкой. Затем он снова изобразил на лике серьезную мину и обратил свой пристальный взор вовнутрь скрытого от моих глаз подворья:

– Так значит, Вы утверждаете, что Ваше поместье ограбили какие-то неизвестные преступники?

– Разумеется! Если, конечно, Вы до сих пор сами этого ещё не заметили! – ответил неприятный, надменный и издевательский голос. – Какая-то банда нахальных грабителей срезала и унесла все мои карвильские розы!

– Ну, почему же все? – выразил своё несогласие полицейский. – Какая-то часть Ваших прекраснейших роз, как я заметил, всё-таки уцелела.

В этот момент я уже почти добрался до ворот и увидел наискосок овальную клумбу. По ней, как мне показалось, совсем недавно проехалась гигантская газонокосилка. Лишь у самого края опустошённого цветника, стыдливо склонив пурпуровый бутон, одиноко маячила

уцелевшая роза. И по этому сохранённому провидением цветку я сразу же догадался, какое ужасающее бедствие пронеслось над безмятежным и благоухающим декоративным садом.

По всей видимости, обладатель противного, дребезжащего голосочка так и не понял слишком тонкого юмора полицейского:

– Если Вы имеете в виду те банальные розы, что растут по другую сторону дома, то это ничтожная дешёвка, которую можно купить у любого никчемного цветочника! А саженцы этих цветов я выписала из элитного итальянского розария «Карла Финеши»! И обошлись мне эти кустики дороже, чем всё Ваше жалкое годовое жалование! Что Вы стоите?! Подымайте на ноги всех своих людей! Прочешите улицу Кумиейра и весь цыганский район! Нет никакого сомнение, что это работа шайки Мигеля Сигану, и завтра мои розы будут продаваться на рынке Браги или же на базаре в Гимараинше! Срочно вызывайте Ваших сыскных собак и пустите их по горячему следу!

Однако подстегнуть дона Фабиу было не так-то и просто.

– В этом нет никакой необходимости, сеньора Пресиоза, – невозмутимо отразил старый служака попытку бесцеремонно нажать на него. – Я не собираюсь организовывать тотальную облаву на преступников по трём веским причинам.

Мне, наконец-то, удалось проскользнуть вдоль забора к воротам и, заглянув туда, я увидел затаившееся там Сокровище. Дело в том, что португальское слово Пресиоза переводится на русский язык как драгоценная или дорогая. В дворике действительно стояла внушительная дама, но напоминала она больше сварливую базарную бабу, чем изысканное ювелирное изделие. Хотя вполне вероятно, что я просто не смог оценить достоинства доподлинно одухотворённого клада. Ведь стоимость самородка золота зависит не от его блеска, а от конкретного размера и веса. А замеченная мной «драгоценность» и действительно была весьма и весьма весомой, и к тому же довольно-таки грозной и устрашающей. В ней было не менее ста десяти килограмм, и основная масса мышц и жировых отложений скопилась в верхней части её мужеподобного тела. Ни дорогая одежда, ни заботливо уложенные парикмахером волосы, ни драгоценные украшения не могли возвратить её уже давненько увядшую женственность.

А дон Фабиу тем временем продолжал раскрывать «пострадавшей» суть своих незатейливых логических построений:

– Во-первых, в нашем отделении нет сыскных собак, а, чтобы вызвать их из Браги, понадобятся как минимум целые сутки. А к тому времени след воров и вовсе простынет, если его уже не затоптали зеваки. Во-вторых, в моём распоряжении нет столько персонала, чтобы перевернуть вверх дном весь цыганский квартал и улицу Кумиейра. А в-третьих, я полностью уверен, что ни ватага Мигеля, ни какая-нибудь другая банда в Ваши владения не вторгалась. И у меня имеется в наличии свидетель, достойный самого высокого доверия.

– Какой ещё свидетель?! – выпучила свои бесцветные глазки сеньора Пресиоза до такой степени, что её накладные ресницы чуть-чуть не отвалились.

– Это Ваш английский мастифф Вельзевул, – бесстрастно ответил ветеран сыска, запихивая ручку и блокнот в карман. – Нужно быть сумасшедшим, чтобы забраться в поместье, которое охраняет самая могучая в мире боевая собака. Если бы грабители на это решились, то пёс разорвал бы их на части и поднял бы такой гвалт, что мы услышали бы его, не выходя из нашего отделения.

Только тут я понял, что рядышком с гром-бабой стоит не каменное изваяние какого-то чудища, а застывшая в немой неподвижности громадная псина.

– А я настаиваю, чтобы Вы организовали облаву на грабителей и незамедлительно вызвали поисковых собак! – встала на дыбы хозяйка поместья, которая не привыкла, чтобы с ней препирались. – Завтра мой супруг с утра пойдёт к президенту Камеры муниципал и потребует, чтобы Вас строго наказали за преступную бездеятельность! Не для того мы поставили его у руля власти, чтобы наши владения оскверняли какие-то там подонки и негодяи!

– Ваша воля, – не очень-то и испугался посул расходившейся фурии видавший виды служака. – А не попробовать ли Вам самолично пустить по следам злоумышленников Вашего Вельзевула?

– Этого недотёпу, который так позорно проворонил бандитов?!! – взорвалась сеньора Пресиоза и замахнулась рукою на огромную как телёнок собаку. Кобель в диком ужасе закрыл свои затравленные глазища и чуть было по уши не вжался в асфальтную дорожку. Несомненно, ни единого ласкового слова, за всю свою горемычную жизнь, Вельзевул от своей «цепной» хозяйки так ни разу и не услышал.

– Да этот дармоед только и знает, что таскает в зубах пластиковую кость и гоняет по саду свой любимый резиновый мячик! – продолжала изливать свой гнев на псину озверевшая хозяйка. – Я сдам этого бездельника на мыло и куплю себе ротвейлера или бультерьера!

– Мне думается, что Вы понапрасну обвиняете Вашего четвероногого сторожа в халатности и нерадивости, – заступился за Вельзевула дон Фабиу. – Когда мы подъехали к усадьбе, мастиф поднял такой ужасающий лай и с такой яростью бросался на ворота, что я убоялся, как бы он их не выломал и не вырвался наружу. Вы сказали, что час назад розы всё ещё были на клумбе и за это время пёс ни разу не подал свой голос. А Вам не кажется, что он не тронул лиходея только потому, что хорошо знал этого человека. Скажите, нет ли среди людей, вхожих в Ваш дом, кого-то, кому Вы за последнее время здорово насолили? Это вполне мог быть кто-либо из Ваших ближайших знакомых, родственников или прислуги.

Эти вкрадчивые слова старого полицейского озадачили сеньору Пресиозу до крайнего замешательства. Она застыла, поражённая этой незатейливой мыслью, как раскатистым громом среди ясного неба. Прошло не менее пяти минут, прежде чем заледеневшая матрона малопомалу разморозилась. Подняв поросячьи глазки к небу, она принялась нервно теребить пухлыми пальчиками свой массивный тройной подбородок. Как я явственно уяснил, недоброжелателей, в своём ближнем и дальнем окружении, «Сокровищница» нажила видимо-невидимо.

– Вообще-то, прислуга у нас обычно надолго не задерживается, – словно размышляя вслух, посетовала она. – Только с начала года мы поменяли трёх садовников и четырёх горничных. А в доме ошивается целая прорва тунеядцев, которые именуют себя друзьями моего супруга. Мне понадобится пару часиков, чтобы составить список всех лиц способных в отместку обрезать мои уникальные розы.

В этот момент переулок озарили мощные автомобильные фары, и оглушающий клаксон решительно потребовал, чтоб ротозеи, столпившиеся у ворот усадьбы, немедленно расступились. Однако любопытствующие зеваки не поддались на провокацию, а ещё плотнее сгрудились у полицейской машины. Потом я расслышал, как резко раскрылась и с треском захлопнулась дверца сокрытого за людскою толпою автомобиля. Загремел зычный, басистый мужской голос призывающий несознательных граждан пропустить владельца поместья к его же собственному жилищу. Однако настойчивая просьба горластого оратора была попросту проигнорирована скучившимися в переулке разинями.

Я привстал на цыпочки в надежде разглядеть, чем же закончиться противостояние скопища народа с суровой и неординарной личностью. Внезапно толпа у своего внешнего края всколыхнулась, будто в неё врезался огромный гранитный валун. Послышались гневные протесты и возмущённые крики, сдобренные забористыми ругательствами и проклятиями. По колышущимся головам и болезненным вскрикам мне стало понятно, что кто-то настойчиво пробивается к эпицентру событий. Время от времени недовольные возгласы прерывались ироничным рокочущим гласом: «С Вашего позволения! Извините! Простите! Пардон!». Но я никак не мог разглядеть незримого богатыря, прокладывающего себе дорогу сквозь вздыбившееся людское море. Наконец, в стене человеческих тел возник рванный пролом и из него вывалился худосочный гражданин, примечательный разве что своим необычным обликом. Брешь в толпе мгновенно затянулась, но я успел заметить в ней крепкую ногу, обутую в тяжё-

лый рабочий ботинок. Очевидно, именно она и поспособствовала успешному прорыву настырного «форварда» к воротам усадьбы. Об этом наглядно свидетельствовал отпечаток подошвы на ягодицах тщедушного на вид джентльмена.

Ему несомненно шла к лицу причёска а-ля Владимир Ильич, которая у него, как видно, образовалась природно. Однако нижней частью своего бородатого обличья он больше напоминал создателя бессмертного «Капитала». Строгий, но очень дорогой костюм и роговые очки должны были придавать образу этого чудачка иллюзию начитанности и интеллигентности.

Вслед сеньору, явившемуся из толпы таким оригинальным образом, неслись не очень-то и добросердечные напутствия и пожелания. А если уж строго придерживаться истины, то они скорее напоминали весьма изощрённую, нецензурную брань. Но это нисколечко не смутило своеобразного и неповторимого индивидуума. Он встал с булыжников, отряхнул с одежды грязь и пыль, а потом аккуратно поправил свои очки и галстук. Затем сеньор развернулся, встал в величавую позу и прогремел в скопище своих недоброжелателей хорошо поставленным, низким голосом:

– Я свободнорождённый гражданин Португалии и имею полное право беспрепятственно войти в мой собственный дом! И если кому-то не понравилось, как я реализовал это моё законное право, то он всегда может обратиться в третейский суд!

Произнося публичную речь, оратор энергично жестикулировал ручонками, стараясь придать вескость своим чеканно выговариваемым словам.

– Да! – с уважением подумал я. – Кабы этому джентльмену добавить росточка и накачать мышцы, то из него вышел бы профессиональный уличный зазывала или же оголтелый агитатор и пропагандист!

А «Цицерон», прищурив лукавые глазки, с надменной ухмылкой отвернулся от притихшего и посрамлённого плебса. Но узрев дона Фабиу и двух его подручных, плутовские зенки сеньора сразу же расширились до величины почётного национального Ордена Свободы.

– Что?! Моя супруга убила кого-то из соседей?! Доктора Алвару?! Сеньору Розу?! Дона Алонсу?!

Однако в его срывающемся голосе проскальзывали скорее скрытые нотки надежды, чем интонации ужаса и растерянности.

И тут я заметил на лбу хозяина усадьбы чёткий тёмно-красный отпечаток, который не вызывал ни малейшего сомнения в своём амурном происхождении. Похоже, что владелец дома был уже по самое горло сыт своим чересчур громоздким и сварливым «сокровищем». Так что вовсе не удивительно, что он предпочитал нырять за жемчугом хотя и в отдалённых, однако весьма благодатных нейтральных водах.

Маленького развратника спасла в этот вечер слабая освещённость улицы и отменная реакция опытного полицейского.

– Добрый вечер, сеньор Филипе, – шагнул навстречу бородатому волоките дон Фабиу, закрывая его от жены своим статным телом. – Какое счастье, что Вы вернулись домой так вовремя.

Обмениваясь рукопожатиями, полицейский незаметным движением левой руки снял платочком помаду с чела незадачливого ловеласа. Сеньор Филипе на мгновение оторопел, затем опустил очи на платочек служителя порядка – и его лицо стало таким же багровым, как только что стёртая с него губная помада.

– Вы неудачно попрощались со своей дамой, – едва расслышал я слова старого легавого. – И мне думается, что сделала она это преднамеренно.

– Я повыдёргиваю ноги из задницы этой соплячки, – тихо прорычал спасённый донжуан и, оббежав дона Фабиу, бросился к своей «Сокровищнице». – Дорогая! Что же стряслось в нашем доме, пока я отсутствовал по уважительным причинам?!

– Пока ты резался в картишки с падре Антониу и доктором Рибейру, нашу усадьбу нахально обчистила банда грабителей! – забрызгала мелкой слюной благоверная маленького распутника.

– Какие картишки, моя бесценная?! – запротестовал плешивый бородач. – Мы обсуждали план торжественных мероприятий к предстоящему Дню Всех Святых!

– А ты тыкву своей жёнушке на празднество уже приготовил?! – раздался из толпы насмешливый голос, намекающий на предшествующий Дню Всех Святых Хэллоуин.

– Постой-постой, милая! – вдруг, встрепенулся сеньор Филипе. – А что конкретно похитили из нашего дома?

– Как что?! – взорвалась в бешенстве Пресиоза. – Да самое ценное, что у нас было!!!

– Господи! – вылупил очи побледневший как полотно владелец усадьбы. – Неужели они унесли всю коллекцию моих старинных винных этикеток?!

– Придурок!!! – взревела в ярости далеко не лучшая половина хозяина дома. – Оборвали и утащили на рынок все мои драгоценнейшие карвильские розы!!! А твой холёный Вельзевул даже не тявкнул, пока разбойники здесь хозяйничали!!!

Чем закончилось словопрение между «любящими» супругами, я уже не дослушал, так как выбрался из толпы и отправился к центру города. Мне уже было предельно ясно, и кто именно похитил розы из сада почтенной доны Пресиозы, и даже каким образом он это сделал.

Ключом к пониманию таинственного исчезновения роз послужило событие, произошедшее со мной и Степаном в прошлогоднюю Рождественскую ночь. Мы заблудились в густом тумане в незнакомом нам городе и опоздали на последний фафинский автобус. Нам ничего не оставалось, как сидеть на парапете ограды затемнённого особняка и дожидаться долгожданного рассвета. Мой друг потчевал меня разными небылицами из его якобы насыщенной яркими событиями биографии. Всё это сходило гиганту с рук, пока он разговаривал тихо, вполголоса. Но увлёкшись своим рассказом, тернопольский богатырь повысил свой тон и начал выплёскивать свои бьющие через край эмоции.

Вот тут-то на нас и напал огромный ирландский дог, как видимо, охранявший хозяйскую усадьбу. Мы буквально слетели с парапета на жёсткий асфальт, чуть не переломав наши промёрзшие руки и ноги. Я с ужасом взглянул вверх и увидел сквозь решётку ограды оскаленную пасть мерзкого чудовища. С острых клыков взбешённого страшилища капала густая и обильная слюна. Именно по басистому лаю монстра, я и догадался, что нас атаковала крупная и весьма агрессивная собака.

– Ну и телёнок! – гневно изрек поверженный наземь гигант. – И какая подлая тварь! Мы ведь с четверть часа мирно гутарили на заборе и только сейчас эта коварная зверюга надумала нас пугнуть!

– Видно, он где-то безмятежно дремал, но его разбудили твои вопли, хлёсткие как удар бича бывалого дрессировщика, – нервно пробурчал я, с трудом вставая на дрожащие ноги.

Степан обижено взглянул на меня, потом поднялся с тротуара, медленно подошёл к решётке ограды и пристально посмотрел в глаза лающей взахлёб псины. Огромная собака словно поперхнулась слюной. Её лай стал похож на кашель простуженного старика и, медленно затихая, выродился в тихое и жалобное поскуливание. Злость и ярость как-то незаметно растворились в глазах притихшего и умиротворённого зверя. Теперь он смотрел на своего визави взглядом собаки, жестоко наказанной своим любимым хозяином. Затем Степан сотворил то, чего я не сделал бы за все богатства и сокровища этого мира. Он протянул свою руку сквозь прутья решётки и ласково потрепал здоровенного пса за холку. Зверь закрыл глаза, покорно и доверчиво принимая дружбу властного исполина. Неожиданно пес повернул свою морду влево и признательно облизал ласкающую его крепкую руку. Я ещё тогда и подумал:

– Интересно. А Стёпа львов и тигров раньше дрессировать не пробовал?

Нечто подобное произошло и сегодня, ещё засветло, практически всего лишь несколько часов назад. Мы со Степаном спешили по переулку Суареша Велозу, срезая путь к агентству доктора Дуарте. Внезапно, из-за высокой сплошной ограды донеслось утробное, резонирующее рычание. И этот рык напоминал бурлящий рокот из желудка огненного дракона, перевариващего очередного рыцаря вместе с его лошадью и доспехами. Гигант резко остановился, привстал на цыпочки и с интересом заглянул через двухметровый забор. Степан присвистнул и замер, будто увидел за оградой нечто весьма и весьма примечательное.

– Стёпа, поторопись! – возопил я, поглядывая на часы. – Через пять минут агентство закроется, и мы не добудем позарез нужную нам информацию!

Однако великан даже не шелохнулся, пристально вглядываясь во что-то потустороннее. У меня даже возникло подозрение, что за стеной приземлилась тарелка с инопланетянами и Степан телепатически общается с ними. И тут я обратил внимание, что грозный рык как-то незаметно переродился в жалобное и заунывное поскуливание. Мой высокорослый товарищ, наконец-то, пошевелился и весьма дружелюбно молвил:

– Ну что, Бобик! Теперь мы друзья до гроба?

И жалостливое поскуливание за забором преобразовалось в восторженное щенячье повизгивание.

Неожиданно я поймал себя на мысли, что задумчиво топчусь у дальнего края усадьбы и прислушиваюсь к странным звукам за его высокой оградой. Решение пришло само собой, непредвиденно, как говорят, с бухты-барахты. Я ухватился за верхнюю кромку забора, легко подтянулся и осторожно заглянул во внутрь сада. Вельзевул безмолвно стоял прямо подо мной, печально всматриваясь в меня огромными разумными глазищами. У меня от щемящей жалости сердце болезненно сжалось.

– Ну что, Бобик, допрыгался? – посочувствовал я псу. – Мне стало известно, что хозяйка собирается пустить тебя на мыло. Даже не представляю, чем смог бы тебе помочь.

Совершенно спонтанно у меня возникла сумасбродная мысль, отвести Вельзевула на квартиру Степана. Таким макаром я смог бы хоть как-то ему отплатить за нанесённое мне поражение на любовном фронте. Прокормить такого громадного зверя было бы накладно даже для хорошо зарабатывающего великана. Меня остановило только то, что Степан сегодня навряд ли придёт домой ночевать. А Коля Маленький будет далеко не в восторге, если я приведу чуток переросшую собачонку его компаньона.

Вельзевул будто прочёл мои тайные мысли, радостно заскулил и начал перебирать передними лапами, словно готовясь к решающему прыжку.

– Постой, не спиши! – предостерегающе зашипел я на мастифа. – Ты же не хочешь, чтоб Коля меня удавил, когда мы явимся в его апартаменты. А если ты придёшь со Степаном, то Николай вас двоих уже не осилит. И вообще, раз Стёпка подвёл тебя под монастырь, то пусть теперь сам о тебе и позаботится. Так что выслушай мой совет, дружище! Бери Степанов след и иди по нему, пока его не нагонишь!

Я по-молодецки спрыгнул с забора, но не удержал равновесия и завалился набок. Чертыхаясь, я встал, отряхнул пыль и попытался рассмотреть в полутьме расцарапанный локоть. Меня чуть не хватил удар, когда рядышком со мной пружинисто приземлилось громадное четырёхлапое чудовище! Вельзевул почтительно обнюхал меня со всех сторон и вопросительно взглянул в мои расширившиеся от ужаса очи. Мне понадобилось не менее трёх минут, чтоб «раздуплиться» и вновь обрести способность членораздельно говорить.

– В последний раз я видел Степана вон там, – чуть слышно пролепетал я, указывая трепещущим пальцем на Дом Финансов. Мастифф по-человечески кивнул тяжёлой головой и затрусил напрямик к тому месту, где Степан и Моника сели в автомобиль. Покрутившись на месте

стоянки, Вельзевул выбрал верное направление и помчался именно туда, куда укатил кремовый «опель».

Я с величайшим удовлетворением потёр мои руки. Если Моника квартирует неподалёку, и пёс не собьётся со следа, то адвокатессе придётся делить спальню сразу с двумя крупными кобелями.

– А если Бобик их не найдёт? – проснулся во мне дремлющий пессимист. – Как может пёс по запаху шин найти двух скрывшихся с его глаз греховодников? Ну, погоди же, Стёпка! Вот приедет с Украины твоя Катя, то и без меня найдутся «добрые люди», которые нашепчут ей о твоих левацких амурных похождениях. Доброжелатели оповестят её и об эбонитовой африканке Джулии, и о бразильской танцовщице Авроре, и о звезде китайской кулинарии Жилан. Да ещё и присовокупят свои буйные фантазии и смутные подозрения. А из этого следует, что из мужского достоинства блудного жирафа Катюша состряпает яичницу глазунью с хорошо поджаренной тернопольской сосиской.

Но даже эти злорадные размышления не позволили мне обрести ни внутреннего спокойствия, ни психического равновесия. Ведь вполне возможно, что Катюша окажется женщиной неревнивой и незлопамятной и закроет глаза на интимные приключения своего видного и завидного женишка. И от этой мысли лавина щемящей обиды и душевной боли снова волной нахлынула на меня.

– Кто б мог подумать? Мой верный друг, мой лучший товарищ, которому я доверял как себе самому, подложил мне колоссальнейшую свинью …. Стоп!!! А не дурак ли я?! А может быть, как раз от грандиозной свиньи он меня и избавил?! – озарила мой рассудок оптимистическая и отрезвляющая догадка. – Видел же я только что одушевлённое сокровище, которое выродилось в гибрид хавроньи и волкодава! Ведь когда-то и Пресиоза была юной, образованной и обаятельной девушкой! И только Бог ведает, каких бедствий я избежал благодаря вмешательству моего любвеобильного и падкого на блудодейство приятеля! Не зря же в народе говорят: всё, что ни делается – делается к лучшему!

Я выпрямился во весь мой рост и пружинисто расправил мои уже было поникшие плечи:

– Как там в песне поётся: друг всегда уступить готов, вместо шлюпки – круг? Нетушки! Я мой проверенный в бурях и передрягах спасательный круг не на какую прогулочную шлюпку не променяю!

И окрылённый этой тривиальной идеей, я помчался в моё уютное гнёздышко, где меня дожидалась моя добрая, нежная и верная жёнушка.

9. Инфекционные нервные заболевания.

Если Вы захотите провести приятный осенний день на природе, не покидая пределов Фафи, то лучшего места чем парк Калвариу Вам навряд ли удастся найти. Но это, разумеется, при непременном условии, что за окном не хлещет опостылевший в этом сезоне ливневый дождь. К тому же в осеннюю пору, при сильном промозглом западном ветре или при студёном восточном, здесь слишком долго не пофланируешь. А этим доминирующим в городе ветрам парк открыт, как образно (но очень метко) сказано, практически нараспашку. Достопримечательность старого города находится на внушительной возвышенности со срезанной вершиной. И если с юга и севера парк защищают жилые здания, то с западного и восточного склона великолепно просматриваются перевалы на Гимараенш и Кабасейраш-ди-Башту. Так что и океанским, и континентальным ветрам здесь есть где разогнаться и разгуляться.

Вообще-то, парком этот живописный уголок горожане назвали в приступе фанатичного патриотизма, так как по размерам он едва ли дотягивал до скверика средних размеров. Да и официально эта чудная местность на возвышенности именуется Садом Калвариу. Однако все атрибуты парка здесь всё-таки присутствуют: и развесистые деревья, и чашеподобный фонтан, и лунообразный прудик с лебедями и утками, и беседка-ротонда для духового оркестра, и тенистые извилистые аллеи, и даже детская и спортивная площадки. Впрочем, спортивную площадку вскорости расчистили и засадили молоденькими деревцами и кустиками. Да и водоплавающие птицы из прудика начали загадочным образом исчезать в неведомом местным орнитологам направлении. Когда исчезал очередной птах, я мог побиться об заклад, что Рома Варивода в вагончике мостостроевцев готовит утку, фаршированную яблоками и апельсинами. Благо, что разнообразные фрукты в садах фафинцев всегда произрастали в должном количестве. Однако совсем недавно Рома, по кличке Кузен, сбежал из-под опеки своего двоюродного брата Степана в Соединённые Штаты Америки. И с тех самых пор популяция водоплавающих птиц в садовом пруду больше не уменьшалась.

Но недавно руководителей города поразил вирус гигантомании, и они начали сооружать новый городской парк на огромном заросшем бурьяном участке. Забегая вперёд замечу, что на разбивку и обустройство этого парка понадобилось более шестнадцати долгих лет. Не нравятся мне эти современные парки, где основное пространство занимают широкие травяные газоны и уродливые железобетонные конструкции. Деревья же рассажены весьма редко, да и подбираются такие породы, которые дают слишком мало благой прохладительной тени. Так что в знойный полдень в таком, так сказать, парке можно запросто заполучить смертельный солнечный или тепловой удар.

Совсем иное дело – парк Калвариу. Жарким летом здесь можно укрыться под сенью раскидистых лип, а зимою – погреться под солнышком на садовых лавочках у фонтана. Весной же и осенью комфортнее всего отдыхать под старыми кедрами, сквозь хвою которых сочится рассеянный солнечный свет. Люблю я этот старомодный скверик за его сонливую и умиротворяющую тишину.

Но только не в праздничный день, когда пиротехники запускают отсюда громыхающие и трескучие фейерверк-ракеты. А праздников в Португалии целая прорва: и государственных, и религиозных, да ещё и сугубо местных в придачу. И все они сопровождаются громоподобным и красочным высаживанием в воздух значительных муниципальных денежных средств. Конечно, феерические фейерверки не только радуют сердце и глаз, но и весьма основательно закладывают уши восторженным зрителям. А это значительно умножает количество страждущих пациентов региональных сурдологов и счастливых обладателей современнейших слуховых аппаратов. Меня всегда коробило и бесило, что так бессмысленно и бездарно пускаются

по ветру солидные общественные капиталы. Уж лучше бы отцы города отдали эти деньги на обустройство и адаптацию бедных украинских иммигрантов.

Но, кажется, я немного отвлёкся от хода моего трагического повествования. Сегодняшнее воскресенье выдалось не в пример предыдущим ненастным, слякотным дням, а тихим, приятным, добрым и солнечным. Моя супруга, несмотря на положенный ей выходной, работала на своей крохотной упаковочной фабрике. Для таких микроскопических португальских предприятий, работающих на крупных подрядчиков, субботние и воскресные авралы – явленье отнюдь не редкостное.

Я сидел у фонтана на садовой скамье, греясь под ласковым солнышком, и перечитывал во второй раз «Мастер и Маргарита». Впервые я прочёл этот шедевр в ранней юности, когда некоторые работы Булгакова всё ещё были под негласным запретом. То была зачитанная самодельная книга, сотворённая на допотопной печатной машинке. И чем дальше я вникал в нынешний оригинал, тем больше утверждался во мнении, что в семидесятые годы прошлого века читал совсем иное произведение. И если начало романа мне всё же казалось туманно знакомым, то концовка и вовсе повергла меня в полное замешательство. Или что-то с памятью моей сталось, или копировщик домыслил неведомый ему финал книги.

Внезапно мне почудилось, что ясное солнышко скрылось за тучами и по телу пробежался неприятный холодящий озноб. Я поднял мои удивлённые очи и узрел пред собой омрачителя моей жизни в образе моего бывшего друга Степана Тягнибеды.

– Привет, дружище! – услышал я его глубокий, но изнурённый амурными заботами голос.

Под глазами у гиганта я заметил тёмные круги и выглядел он так, будто отработал подряд три ударные комсомольские смены. Хотя, наверное, он больше напоминал великого воителя, утомлённого долгим, упорным и крайне кровопролитным сражением. Поэтом я ответил ему холодно, как бесстрастный Диоген тщеславному и самолюбивому Александру Македонскому:

– Отойди, ты заслоняешь мне солнце.

– Ну не дуйся на меня, Василий, – покаянно промямлил Степан. – Ну разве стоит истинная мужская дружба какой-то ветреной юбки, пусть даже самой великосветской, элегантной и образованной?

– Знаешь, мой несостоявшийся друг, – оживился я. – Мне тоже очень хотелось задать тебе этот же животрепещущий вопрос, когда ты укатил от меня с Моникой на кремовом «опеле».

На лице исполина проявилось мученическое выражение, как у школьника, порицаемого учителем за непристойную шалость:

– Ты должен понять меня, мой старый товарищ. Я ведь обычный мужчина, со всеми свойственными ему слабостями и инстинктами.

– А я по-твоему кто, каменный бесчувственный истукан?! – пронзил я холодным взглядом тернопольского кобеля. – Или я похож на залежалое бревно со случайно не обрезанным узловатым сучком?!

Степан осмотрел меня мутным, усталым взором, задумчиво почесал за ухом и, наконец-то, высказался:

– Нет. До Буратино, конечно, ты явственно не дотягиваешь. У того перед тобой было существенное преимущество. Все части его тела, в том числе и «сучок», остаются деревянными независимо от физической формы, настроения и душевного состояния. Я думаю, ты бы не справился.

– С чем бы не справился?! – не уловил я сути туманных намёков моего конкурента. – Ты нахально увёл у меня женщину, благосклонности коей я добивался более полугода!

– Тут лучше всего вспомнить простую народную мудрость, – почувствовал я лёгкое раздражение в голосе моего более удачливого соперника: – Кто смел, тот и съел.

– А ты заворота кишок или струйной диареи заполучить не боишься?! – вконец растаяло моё напускное хладнокровие. – По отношению к человеку, наречённому тобой лучшим

другом, ты поступил, безусловно, по-хамски и попросту бесчестно! Так где же твоё хвалённое благородство, и величие широкой высокородной славянской души?! Мы ведь с тобой не какие-то там неотёсанные простолюдины, а потомственные и родовитые дворяне-шляхтичи! Да ты просто-напросто был обязан соблюдать неписанный кодекс рыцарской чести!

– Ну ты, Василий, совсем заигрался в великосветских вельмож! – вспылил богатырь и, немного поостыв, добавил: – Ладно! Скажу тебе, как дворянин дворянину, что истинный джентльмен должен уважать выбор благородной, притязательной и переборчивой дамы. И ты должен признать, что я победил тебя в честном….

Но встретив мой разгневанный взгляд, Степан замялся и тут же поправился:

– Ну почти что в честном состязании. И не моя вина, что дама предпочла именно меня, с моими разносторонними талантами, способностями и достоинствами.

– И что ты только делаешь в захолустной Португалии со своими талантами и достоинствами, а также с феноменальным знанием английского и французского языка! – в сердцах воскликнул я. – Ехал бы ты в Лондон или Париж, соблазнять высокородных баронесс или звёзд мирового шоу-бизнеса! А то перебиваешься тут жалкими адвокатессами, рестораторшами, танцовщицами, а то и попросту заурядными проститутками! Езжай в мировые столицы и не порти жизни обыкновенным людям, которых ты лицемерно обзывал своими лучшими товарищами! Теперь мне понятно, почему Рома сбежал в Штаты от своего гениального, феноменального и непревзойдённого двоюродного брата. Своим авторитетом всезнайки ты подавлял волю Кузена, не позволяя ему проявлять свою уникальность и поступать по своему собственному усмотрению. В последнее время ты стал использовать свои исключительные способности в ущерб лучшим друзьям, чтоб ублажать свои низменные инстинкты. Кстати, если приедет Катя и узнает о твоих похождениях, то тебе, блудный кот-гуляка, уж точно не поздоровится!

– Ты хочешь сказать, что всё ей разболтаешь?! – грозно насупился исполин.

– А в этом, представь себе, нет никакой надобности, – успокоил я дамского угодника. – О твоём приключении с чернокожей Джулией знает вся Португалия. Сколько тогда в пенсау было гастарбайтеров? Около сотни? А они разнесли эту сногсшибательную историю по всей стране. Жаль, что многие из них тогда не знали твою звучную фамилию. Но кое-кто из твоих тайных недоброжелателей уже сообразил, кем является главный герой этого передающегося из уст в уста предания.

(Примечание. О Джулии и Степане повествуется в книге «На краюшке земли»)

– Постой, постой! – нервно встрепенулся Степан. – А о бразильской-то танцовщице ты откуда знаешь?! Чьи это состряпанные сплетни ты по всему Фафи разносишь?! Это же наглая и беззастенчивая брехня!

– Не сомневаюсь, что эта правдивая, в кавычках, история была высосана из твоего двадцать первого пальца, – тут же «отгрёб» я назад, боясь подставить под удар моего информатора.

Однако тернопольский детектив уже начал своё расследование, задумчиво приподняв к небесам свои ясные очи:

– Об Авроре был осведомлён только Рома! А мой кузен – это безмолвная могила!

– Да-да! – не выдержав, ухмыльнулся я. – Твой двоюродный брат – кладбищенский склеп с выведенными наружу громкоговорителями и многоканальной системой оповещения. Что знает Кузен, то знают и все окрестные иммигранты.

– Эх! – сокрушённо замотал головой исполин. – Я конечно знал, что Рома – птица говорун! Однако всегда полагал, что в интимных и щекотливых делах ему можно без опаски довериться!

– Продолжай и дальше всем доверять, – вполне искренне посоветовал я. – Ну чтоб я постоянно был в курсе всех твоих сладострастных, греховных авантюр. Рома настолько красочно рассказывал о твоём свиданье с розовоперстой богиней утренней зари, как будто лично держал свечу при этом эпохальном событии.

– Ах! Если бы ты только знал, Василий, какая Аврора пылкая и страстная женщина! – расплылась сладостная улыбка на губах неуёмного прелюбодея.

– К несчастью, мой кошелёк не настолько туг, чтоб я мог проверить твои утверждения на моём личном опыте, – посетовал я.

– Что?! – возмутился «рыцарь без страха и упрёка». – Да Аврора не взяла с меня ни сантима!!!

– Значит, тебе посчастливилось её очень глубоко впечатлить! – с нескрываемым уважением посмотрел я на покорителя дамских сердец.

– Погоди-ка! – вдруг, подозрительно сощурился великан. – Но о моей связи с Жилан было ведомо только тебе! Мой болтливый кузен не был посвящён в это сокровенное дело!

– Ха! Ну какой же ты всё-таки наивный, Стёпа! – от всего сердца расхохотался я. – Да! О Жилан доподлинно и конкретно во всех подробностях знаю лишь я один! Но остальные-то хлопцы из нашей весёлой компашки об этом уже давным-давно догадались! А Коля Хвостатый так во всеуслышание всем и заявил: «Только полная дура будет раздаривать задарма изысканные китайские кушанья! Не иначе как Стёпка её основательно ублажил!»

– Но о Монике-то Коля Хвостатый ничего не знает, – с угасающей в голосе надеждой проворчал исполин.

– Зато Коля Маленький догадался, после того, как ты не вернулся домой ночевать, – обнадёжил я бывшего приятеля. – Фафи – маленький городок, так что рано или поздно и это всплывёт на поверхность,

– Но пересуды – это ещё не факт, – забрюзжал раздосадованный Степан.

– Ты хочешь сказать, что не спал этой ночью с Моникой на одной кроватке, – иронически вскинул я бровь.

– Да разве с ней поспишь! – не смог сдержать своих эмоций Степан. – Такое ощущение, что её жених Педру удостаивает её своей близостью не чаще одного раза в месяц! Знаешь, как мне пришлось попотеть?! Только под самое утро я, наконец-то, управился! А только было собрался соснуть, как тут под окном объявился Бобик! И поднял такой лай, что все жильцы соседних квартир кукушками на балконы повыскакивали. Во избежание неприятностей и недоразумений, пришлось быстренько запустить пёсика в апартаменты Моники.

– Ах! Какая жалость, что Вельзевул отыскал вас с таким непростительным запозданием! – искренне огорчился я.

– Какой ещё к чёрту Вельзевул?! – вытаращил на меня беньки соблазнитель юристок.

– Это настоящее имя брошенного тобой на произвол судьбы друга, – попенял я Степану. – Похоже, у тебя уже вошло в привычку, покидать в беде своих верных друзей и товарищей. Бобик оказал тебе неоценимую услугу, и ты был просто обязан позаботиться о нём.

– Но ты-то откуда о нём знаешь?! – насторожился укротитель сторожевых собак.

– Присутствовал на судилище, после которого его собирались колесовать, четвертовать, а затем пустить на хозяйственное мыло, – трагически провозгласил я. – Однако узнику совести посчастливилось вырваться из рук жестокого инквизитора. И он прибежал за помощью к единственному другу, который, собственно говоря, и подвёл его под нож мясника.

– И кто же ему указал дорогу? – недобро нахмурился великан. – А не ты ли, случайно, эту громадную псину на нас науськал?

– Я науськал?! – искренне возмутился я и, по-детски выпятив нижнюю губу, обиженно забубнил: – Этот махонький щеночек очень вежливо попросил меня рассказать, куда это подевался мой долговязый товарищ. А коли я, вдруг, откажу ему в этой не очень-то и тягостной просьбе, то он обещал мне порвать мою белую попку. Между прочим, а что же теперь ждёт горемычного Вельзевула?

– Не нравится мне его мерзкая, сатанинская кличка, – исказила лицо великана брезгливая мина. – Мне кажется, что я подобрал ему куда более подходящее имя, вполне соответству-

ющее характеру этого пса. Однако вздремнуть мне с Моникой взбудораженный Бобик даже на каких-то несчастных полчасика не позволил. Пришлось нам вставать и везти мастифа на новую кинту патрона моей мостостроительной фирмы. Он отгрохал себе не очень-то и скромный особнячок в экологически чистом районе неподалёку от Браги. Сеньор Жорж намедни мне проболтался, что ему надобна молодая сторожевая собака для охраны его недавно приобретённого поместья. А с маленькими щеночками ему возиться совершенно некогда, да и по правде говоря, не очень-то и охота. Так что наш уже обученный Бобик как раз и пришёлся ему ко двору. Конечно, я предварительно поговорил с Бобиком, и он милостиво согласился пока что присмотреть за кинтой моего незлобивого босса. Но только при непременном условии, что его новый хозяин успешно пройдёт трёхмесячный испытательный срок. Жоржу Бобик очень понравился, и он торжественно пообещал, что подумает, каким образом отблагодарить меня за настолько неоценимую услугу. Ну я, конечно, галантно расшаркался перед ним, и весьма учтиво и ненавязчиво ответил: «С тех самых пор, как в Европе ввели единую валюту, способы выражения благодарности значительно упростились».

Степан небрежно поставил у стойки принесённый им пакет и, усевшись на лавочке, принялся почёсывать свою левую лапищу:

– Всё время левая ладошка зудит! Не иначе как к значительной дополнительной прибыли! – озарился оптимизмом его изнурённый лик. – Древние народные приметы, как и предчувствия души, меня ещё ни разу доселе не обманывали!

– Так значит ты всё же способен продать своего лучшего друга за тридцать серебряников! – с суровым отвращением прорычал я и, выдержав паузу, уже бесстрастно добавил: – Sarna. Если, конечно, твоё безошибочное предчувствие тебя не обманывает.

Ресницы у Степана запорхали, как крылышки у запоздалой осенней бабочки:

– Какая ещё к дьяволу сарна?!

– Ты же вчера в кабинете Моники спрашивал у меня, как по-португальски чесотка, – отомстил я гиганту за вчерашние пошлые намёки. – По всей видимости, это твоя безупречная интуиция предупреждала тебя о грядущей опасности.

– Да как ты только посмел заподозрить в нечистоплотности такое невинное и незапятнанное существо, как Моника!!! – взревел гигант, однако в его гневном рыке ощущалось уже вкрадшееся в душу сомнение. – И тебе не стыдно глумится над чистой, утончённой и романтичной женщиной, обделённой мужской лаской, заботою и вниманием! Признайся же, что она заслуживает куда более достойного мужчину, чем невзрачный, щуплый и заторможенный Педру Лопеш!

Однако последняя фраза исполина прозвучала уже на более низких и на не слишком твёрдых басистых тонах. Я снисходительно положил руку на его могучее плечо и доверительно молвил:

– Ни уборщица, ни адвокатесса, ни даже королева не застрахованы от всяческих неприятных заболеваний. Тем более, если они не слишком разборчивы в своих крайне сомнительных интимных контактах.

– На какие сомнительные контакты ты здесь намекаешь? – блеснула сталь в серо-голубых глазах тернопольца. Похоже, что свою связь с прекрасной адвокатессой он подозрительным контактом отнюдь не считал. Поэтому я нанёс ему довольно коварный удар уже совершенно с другого фланга:

– Нет никакого смысла на них намекать, потому что ты этих парней всё равно абсолютно не знаешь.

– Не хочешь ли ты сказать, что кроме доходяжного Педру у меня есть и другие неведомые мне соперники? – отразилось на лице великана нечто наподобие выражения ревности. И я получил массу удовольствия, заметив, как бессознательно сжались его огромные кулачища.

– Ты имеешь в виду твоих не в меру удачливых конкурентов? – заботливо подсыпал я соли на его свежие раны. – Дорогой Стёпа! Скажу тебе, как бывший мститель будущему мстителю, что это бесперспективное и к тому же глупое и бессмысленное занятие. Ты же сам мне говорил, что Моника чрезвычайно пылкая и страстная девушка. Несомненно, она будет намного быстрей обрастать новыми подозрительными контактами, чем ты будешь поспевать искоренять прежние. А ведь так и всю свою сознательную жизнь можно на бесплодную борьбу с распутством потратить! Подумай лучше о своём крайне расшатанном психическом и физическом здоровье. И немедленно прекрати чесать свои сверхприбыльные загребущие руки! Чесотка – дело нешуточное, и я посоветовал бы тебе обратиться к хорошему дерматологу.

Признаюсь, честно и откровенно, что я тогда отчаянно и безудержно блефовал. Мне жутко хотелось добавить в вино любовного упоения моего прежнего друга душок затхлости и привкус уксусной кислоты. В своём стремлении, я очевидно слегка перегнул палку, так как черты лица исполина мало-помалу смягчились.

– Все без исключения болезни развиваются на нервной почве, – философски заметил Степан, как видно, уже окончательно успокоившись. – Особенно, если эту почву «добрые люди» изрыли волчьими ямами, лисьими норами и минными подкопами.

– Надо же! – наигранно изумился я. – А мне всегда думалось, что венерические и инфекционные кожные заболевания передаются контактным путем! Спасибо, что ты меня просветил. Теперь буду знать, что всё это несчастье случается только от не в меру разгулявшихся нервов. Между прочим, у тебя случайно презерватива на всё тело не найдётся?

Гигант люто зыркнул на мою сочувствующую физиономию, но в очередной раз нашёл в себе силы сдержаться. Однако незримый бес продолжал меня дёргать за тонкие, но очень прочные нити:

– Кстати, а у тебя, случайно, в бровях и в паху не чешется? К тебе такие малюсенькие кусачие гости от романтичной зазнобушки ещё не прибыли? Ты же тут мне только-только говорил о намечающейся вскорости значительной прибыли.

– Типун тебе на язык!!! – не в шутку всполошился растревоженный донжуан.

– А тебе лобковую вошь в бровь! – в сердцах отпарировал я и тут же не без удовольствия присовокупил: – И блохастого бобика в твою гостеприимную проходную постель!

Рука гиганта непроизвольно дёрнулась вниз и принялась нервно почёсывать нижнюю часть живота где-то в районе гульфика.

– Ничего, скоро у них малые детки появятся, и твоя монотонная, скучная жизнь насытится куда более яркими ощущениями, – с неудержимым оптимизмом напророчил я собеседнику.

Степан по-медвежьи утробно, пугающе зарычал, и мне вдруг почудилось, что тема педикулёза себя уже окончательно исчерпала.

– Да ты не беспокойся, мой любвеобильный приятель! – заискивающим тоном попытался я сгладить обострившуюся ситуацию. – Современная дерматология довольно легко разрешает все эти мелкие житейские проблемы. Уже через полгода ты будешь лишь с усмешкой вспоминать о своих весьма злополучных интимных приключениях.

Великан с величайшим трудом пропустил мимо ушей мою острую шпильку и трепещущимися устами горько посетовал:

– Умеешь же ты, Василий, портить хорошее, радужное настроение. Я уже и без того более двух суток не сплю, и «чугунок» у меня просто на части раскалывается.

– И кто же тебе в этом виноват?! – в негодовании взвился я. – Если бы ты ушёл вчера из Дома Финансов вместе со мной, то и выспался бы в сласть, и головушка бы у тебя от блуда не раскалывалась! Разве это я испортил тебе настроение?! Если сравнить с тем, как ты мне его вчера испаскудил, то моя шуточка – это всего лишь невинная детская проказа!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.